

Д. Н. ЗАМЯТИН

КУЛЬТУРА И ПРОСТРАНСТВО

МОДЕЛИРОВАНИЕ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ОБРАЗОВ

Дмитрий Замятин

**Культура и пространство.
Моделирование
географических образов**

«Языки Славянской Культуры»

2006

Замятин Д. Н.

Культура и пространство. Моделирование географических образов
/ Д. Н. Замятин — «Языки Славянской Культуры», 2006

Монография посвящена исследованию процессов взаимодействия культуры и пространства. Анализируются различные культурные традиции восприятия и воображения географического пространства. В качестве одного из эффективных механизмов описания и характеристики подобных взаимодействий предлагается концепция моделирования географических образов. В книге рассмотрены основные классификации географических образов в культуре, выявлены базовые стратегии репрезентации и интерпретации географических образов в различных сферах культуры и человеческой деятельности. Книга может быть полезна ученым-гуманитариям, изучающим проблемы представления культурных пространств; преподавателям и студентам гуманитарных специальностей вузов.

© Замятин Д. Н., 2006

© Языки Славянской Культуры, 2006

Содержание

Введение	5
Благодарности	14
Используемые сокращения	16
Глава 1	17
1.1. Традиции изучения образов географического пространства в философии	18
1.1.1. Проблематика пространства в философии и география	18
1.1.2. Философские основания современной российской географии	23
1.2. Традиции изучения образов географического пространства в гуманитарных науках	26
1.2.1. Изучение образов географического пространства в истории	27
1.2.2. Изучение образов географического пространства в филологии и языкознании	29
1.2.3. Изучение образов географического пространства в архитектуре и градостроении	30
1.2.4. Изучение образов стран и границ в гуманитарных науках	31
1.2.5. Исследования образов пространства в геополитике, региональной политологии и социологии. Региональная идентичность	33
1.3. Традиционные направления изучения понятия образа в гуманитарной географии	36
1.3.1. Методологические традиции исследования понятия образа в географии	36
1.3.2. Методологическая адаптация понятия географического образа в сфере гуманитарной географии	37
1.3.3. Традиционное страноведение и формирование образа страны	41
1.3.4. Методологический поворот в теоретико-географических исследованиях в 1960—1980-х гг	43
1.4. Исследования образов географического пространства в естественных науках	46
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Дмитрий Николаевич Замятин

Культура и пространство.

Моделирование географических образов

Введение

Пространство и время – наиболее естественные и органичные координаты культуры. Любая культура имеет собственные, уникальные пространственные измерения. Эти измерения выражаются не только в конкретных географических условиях, в которых развивается культура, но и в определенных образах пространства (географических образах), порождаемых изучаемой культурой. Определенные географические образы являются существенным компонентом рассматриваемой культуры, а также культуры вообще (взятой в ее абстрактном, высшем смысле). В то же время данные образы оказывают значительное влияние на формирование и развитие самой культуры, определяя ряд ее уникальных признаков и феноменов.

Проблемы соотношения культуры и пространства, их взаимодействия оказываются чрезвычайно актуальными как в сфере научного поиска различных гуманитарных дисциплин (культурология, политология, история, филология, психология и др.), так и в сфере непосредственной практической деятельности человека – будь то охрана культурного и природного наследия, внешняя и внутренняя политика государств, международные отношения, социально-экономическое развитие различных регионов и стран. Значительная часть современных гуманитарно-научных исследований ориентирована на изучение различного рода пространственных концептов и образов, причем такие исследования оказывают серьезное влияние на развитие общей методологии гуманитарных дисциплин в целом (например, изучение образов пространства в языкознании и литературоведении). Наряду с этим, большинство подобного рода работ практически не соприкасается с аналогичными попытками и исследованиями в естественных науках – прежде всего в культурной, политической и социальной географии. Наличие такого, до сих пор не перейденного «Рубикона» снижает общий методологический и прикладной потенциал изучения проблем взаимодействия культуры и пространства.

Кроме того, в сложившемся к настоящему времени гуманитарно-научном дискурсе существует серьезный «перекос» в сторону изучения проблем восприятия времени, исторических и культурных эпох – что с точки зрения истории развития гуманитарных наук понятно, однако недостаточно с позиций их перспективного развития. До сих пор исследования пространства и образов пространства в культуре относится заведомо к некоторой архаике, к аспектам исследования в основном первобытных, архаичных и/или древних культур. Процессы быстро развивающейся глобализации, казалось бы, снимают проблемы культурологического изучения географического пространства, сводя их, по существу, к различным аспектам мультикультурализма и одновременного сосуществования домодерных, модерных и постмодерных культур и цивилизаций. Введенное недавно в научный дискурс понятие глокализации, означающее синтез наиболее важных процессов глобализации и регионализации, не меняет кардинально сложившейся неблагоприятной ситуации в культурологических штудиях пространства.

Между тем, современные культурные, политические и социально-экономические практики во все большей степени становятся ориентированными на использование различных образов пространства, начиная от образов небольших сельских местностей, городов, культурных ландшафтов и заканчивая образами административно-политических образований государства, региональных политических союзов и даже цивилизаций. Культурные политики, политические действия и экономические решения в современном мире не представимы без

целенаправленных, хорошо «упакованных» прикладных пространственных образов, которые являются их неотъемлемой и значительной частью. Мы предпочитаем говорить далее уже о географических образах и различных аспектах их моделирования в культуре – с тем, чтобы, с одной стороны, отграничить наше исследование от изучения образов пространства в других гуманитарных и естественных науках, а, с другой – подчеркнуть целостность, некоторый «холизм» нашего методологического подхода к самой проблеме. По сути, проблематика моделирования географических образов относится, на наш взгляд, к феноменологии культуры, анализирующей теоретические и методические поиски в других науках, но при этом обеспечивающей единый, «сквозной» взгляд на поставленную проблему и, соответственно, обуславливающей спектр предлагаемых автором теоретических и методических приемов.

В данном исследовании мы в известной мере абстрагируемся от изучения психологических аспектов восприятия географических образов, а также от изучения массовых географических образов (на уровнях социальных и профессиональных групп различного масштаба с использованием разного рода анкет и методов интервью) в социологическом плане. Нами реализуется феноменолого-культурологический подход к проблеме становления и развития географических образов и проблеме их моделирования в широком социокультурном контексте.

Культура, для того, чтобы осмыслить собственное пространство, а также пространства других культур, должна выработать механизмы образной интериоризации пространства. В ходе такого когнитивного процесса происходит своего рода «внеположение» пространства как бы за пределы самой культуры, глазами наблюдателя или исследователя, работающего и живущего в данной культуре. Получается, что само пространство как бы выталкивается из культуры, начавшей его осмыслять, однако в то же время в самой культуре формируются специфические географические образы, фиксирующие подобное «выталкивание» пространства. Именно с таким механизмом взаимодействия культуры и пространства связана сложность безусловного отнесения моделирования географических образов к той или иной научной области.

Понятие или образ механизма есть одна из базовых метафор научного исследования и любой практической деятельности. Исходя из этого, механизм описания взаимодействия культуры и пространства может рассматриваться как феноменологический конструкт. Следовательно, отбор образов начинается с процедур образного описания, а доказательства их валидности в культуре нарабатываются в ходе развития самого образного описания. Иначе говоря, значимость отобранных образов и их культурная валидность проявляются как значимость и образность (в научном, публицистическом или художественном планах) самого феноменологического поиска.

В целом актуальность исследования имеет *теоретический и практический аспекты*. *Теоретический аспект*: изучение особенностей и закономерностей моделирования географических образов в культуре позволяет осмыслить и структурировать на более глубоком концептуальном уровне процессы пространственного взаимодействия различных культур, субкультур, этносов и цивилизаций. *Прикладной аспект*: данное исследование может быть полезным как для изучения практических последствий быстро развивающихся в современном мире процессов регионализации и глобализации в целях их социокультурной диагностики, так и для практических разработок и проектов по моделированию геокультурных образов территорий различных физико-географических размеров и политико-экономических рангов.

Целью нашего исследования было, в первую очередь, определить абрис, основные контуры моделирования географических образов в культуре. Такой подход, естественно, не мог предполагать углубленного изучения механизмов онтологизации географических образов. Тем не менее, подобное направление образно-географических исследований может быть очень важным как с точки зрения концептуального развития направления, так и с практической точки

зрения, учитывая высокую методологическую эффективность применения понятия ментальности в современной культурологии.

Соотнесение географических образов и метаобразов различных уровней вполне возможно при понимании их как культурных феноменов. Кроме того, подобные соотнесения возможны и на уровне различных репрезентаций и интерпретаций географических образов, а также при формулировке разных образно-географических стратегий. Так, любая составленная образно-географическая карта уже позволяет соотнести вошедшие в картографическое поле образы, определить их значимость и сделать первоначальные выводы об их связях. Воспроизводимость результатов исследований географических образов в культуре опирается на уже выявленные правила составления образно-географических карт и обобщенные стратегии интерпретации географических образов. Трансляция технологии моделирования географических образов может осуществляться двумя наиболее очевидными способами: передачей личного опыта в коллективных образно-географических исследованиях и подготовкой методических разработок и рекомендаций.

В содержательном плане наша работа находится на стыке культурной географии, культурологии и социокультурной антропологии. Вместе с тем она может позиционироваться как гуманитарно-географическая. Поэтому следует определить концептуальные отношения со сложившимися представлениями о гуманитарной географии (иногда ее называют также общественной географией, географией человека в широком смысле).

В нашем понимании, гуманитарная география активно использует понятия, теории, знания, накопленные и сформулированные гуманитарной половиной уже существующей географической науки. В первом приближении эту половину и можно назвать собственно гуманитарной географией. Однако при более углубленном рассмотрении приходится признать, что в основе гуманитарной географии должны лежать несколько иные принципы, нежели просто деление наук по непосредственному предмету их изучения (география городов, образования, населения, туризма и т. д.). На наш взгляд, один из возможных подходов к предмету изучения гуманитарной географии – это характер, специфика, степень интериоризации пространства в различных социокультурных сферах деятельности. При этом, конечно, невозможно базировать всю гуманитарную географию на географических образах. Наряду с географическими образами, в понятийную базу гуманитарной географии входят основополагающие понятия культурного ландшафта, региональной (пространственной, локальной) идентичности, пространственного мифа. Название «геоимагология» для развиваемого нами направления вполне приемлемо. Нами предлагается также название «образная (или имагинальная) география». Наконец, в гуманитарно-научной литературе встречаются также термины «философическая география», «география воображения», что близко по смыслу к вышеназванным геоимагологии и образной географии. Поскольку это только формирующаяся в концептуальном и институциональном планах сфера гуманитарно-научных исследований, то такая ситуация в науковедческом контексте понятна.

Состояние вопроса и степень разработанности проблемы. Рассмотрение проблемы взаимодействия культуры и пространства предполагает междисциплинарный характер исследования, охватывающего широкое поле гуманитарного знания. Понятие образа прямо или косвенно изучается и используется в географии примерно с середины XIX в. Наряду с этим географические представления и образы географических пространств достаточно давно (также не позднее, чем со второй половины XIX в.) исследуются в философии и гуманитарных науках. К настоящему времени в этой междисциплинарной области исследований сложились следующие направления: феноменологический и онтологический анализ образов географического пространства, геоисторический и историко-географический анализ образов пространства, мифологические, филологические и семиотические исследования географических представлений, изучение образов географического пространства в градведении, социологии и

психологии, анализ географических образов в культурной географии, географии искусства и искусствознании, исследования образов пространства в теоретической географии, исследования образов в геополитике и политической географии, изучение образов стран и регионов в географическом страноведении и межкультурной коммуникации.

В зависимости от используемой методологии, эти направления исследований можно объединить в четыре большие группы: философские, гуманитарно-научные, гуманитарно-географические и естественнонаучные. В философии исследуются онтологические и феноменологические основания образов географического пространства. В гуманитарно-научных работах рассматриваются закономерности формирования и развития географических представлений различного происхождения. В гуманитарной географии в целом изучаются особенности и закономерности формирования и развития географических образов и образно-географического пространства. В естественнонаучных трудах исследуются основы восприятия и воображения пространства. В ряде работ содержатся одновременно элементы разных методологий.

Глубокие традиции исследований образов географического пространства заложены в *философии*. Для классических философских исследований пространственных категорий и их образов были характерны именно методологические подходы. Это относится как к древнегреческой и античной философии, например, трудам Аристотеля (исследования П. П. Гайденоко, Ю. А. Асояна), так и к немецкой классической философии (Кант, Шеллинг, Гегель). Однако следует отметить, что в этих работах изучение образов географического пространства не было предметом особого интереса.

К концу XIX в. методологическая ситуация в философии в значительной степени изменилась. Параллельно с развитием хорологической концепции в географии, в рамках которой земное пространство как таковое впервые стало предметом автономного научного интереса (труды К. Риттера и А. Геттнера), началось активное развитие феноменологических и онтологических исследований в философии, для которых характерен серьезный интерес к проблемам осмысления географического пространства. Изучение проблематики бытия и времени в трудах немецких философов Э. Гуссерля и М. Хайдеггера было прямо связано с попытками создания фундаментальных образов географического пространства. К середине XX в., уже в рамках французской феноменологии, образы географического пространства стали непосредственной основой достаточно мощного философствования и определенных методологических позиций (М. Мерло-Понти, Ж. – П. Сартр).

Эта тенденция была продолжена и развита в ином концептуальном измерении исследованиями французских структуралистов и постструктуралистов в 1950-х—1990-х гг., в которых рассматриваются не только образы географического пространства как таковые, но и предлагаются новые образы самой географии, базирующиеся на создании и использовании целенаправленных географических образов (Ж. Делез, Ф. Гваттари, Ж. – Л. Нанси). Очень важно, что при этом первоначально исключительно философские исследования стали распространять свой интерес на смежные области гуманитарных наук, что привело к появлению интересных междисциплинарных работ, затрагивающих содержательные и методологические аспекты формирования образов географического пространства. Здесь следует, конечно, отметить исследования мифологий и различных религиозных традиций, космогонических представлений на стыке философии, культурологии, этнологии, религиоведения и литературоведения (Г. Башляр, М. Элиаде, Р. Барт, М. Фуко, В. А. Подорога).

В сфере *гуманитарных наук* образы географического пространства разрабатывались и продолжают разрабатываться прежде всего в филологии и языкознании (школа Н. А. Арутюновой, А. Вежбицкая), фольклористике (В. Я. Пропп, Е. М. Мелетинский, С. Ю. Неклюдов, Е. С. Новик, Б. Н. Путилов, Н. И. Толстой, Т. В. Цивьян), психологии и этнологии (К. Гирц, С. В. Лурье, Д. С. Раевский), когнитивных науках (Е. Ю. Кубрякова, Е. В. Урысон), искусствознании (Г. З. Каганов, К. Кларк, А. Раппапорт, П. А. Флоренский), архитектуре (А. Г. Габричев-

ский, Ш. Р. Шукуров), востоковедении (М. Гране, М. В. Исаева, А. А. Кроль), социологии (Г. Зиммель, А. Ф. Филиппов), истории, политологии и экономике (М. В. Ильин, А. И. Неклесса, Э. Г. Кочетов). Первоначальный методологический импульс для проведения подобных исследований в этих областях знаний был создан трудами структуралистов, однако впоследствии подобные работы стали более разнообразными и более глубокими, эффективно использующими собственный методологический потенциал.

В рамках исторических исследований важное значение имеют работы французской Школы Анналов. Один из лидеров этой Школы, Ф. Бродель положил начало геоисторическим исследованиям, в которых большое внимание уделяется образам географического пространства («Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II», «Что такое Франция»).

В *филологии и языкознании* изучение образов географического пространства связано прежде всего с соотношениями языка и пространства, текста и пространства (М. М. Бахтин, Ю. М. Лотман, В. Н. Топоров), языка и географической карты (К. Бюлер). Наряду с этим большое внимание здесь уделяется исследованиям категорий и образов пути и путешествий, лексики, синтаксиса и грамматики, определяющих те или иные образы географического пространства. Очень часто это могут быть работы на стыке с другими гуманитарными дисциплинами, например, с искусствоведением и/или музыковедением (Е. Д. Андреева, Т. М. Николаева, Т. В. Цивьян).

Весьма близко к когнитивным трудам в широком смысле находится также ряд *архитектурных и градостроительных исследований*, посвященных проблемам осмысления пространства и культурных ландшафтов – как прошлого, так и настоящего (В. Л. Глазычев, Г. З. Каганов, К. Линч, Б. Рубл). Исследование метафизики Петербурга (Д. Л. Спивак) позволяет говорить о создании основ для развития образно-географического краеведения и градостроения.

Изучение образов стран и границ в гуманитарных науках. Большое значение для становления методологических подходов к изучению образа в географии имеют работы в смежных научных областях, посвященные образам различных стран и регионов. Здесь следует выделить прежде всего труды в области *межкультурной (кросс-культурной) коммуникации*, изучающие закономерности и структуры индивидуальных и коллективных представлений разных народов друг о друге и о других странах (А. В. Павловская, Г. Г. Почепцов, С. В. Сопленков). Особенность этих работ – концентрация внимания на двух-трех образах, достаточно устойчиво характеризующих те или иные страну и/или народ в определенную эпоху и становящихся надежной меткой, их точными координатами в культурном и ментально-географическом пространстве. Важное значение имеют также исследования образов стран и ландшафтов в литературоведении, культурологии (Г. Д. Гачев, И. В. Кондаков, И. И. Свирида, Н. А. Хренов, С. Шама, М. Н. Эпштейн, М. Б. Ямпольский), искусствоведении (К. С. Егорова, А. В. Михайлов, Л. В. Мочалов, Г. Поспелов, В. А. Турчин), в которых на примерах литературных, живописных, графических произведений рассматриваются внутренние структуры и механизмы создания пространственных образов в культуре.

Достаточно мощные образы различных регионов, стран и континентов создаются в *геополитике, региональной политологии и социологии*. Особенность этих исследований – работа с так называемыми «большими пространствами», что позволяет расширить привычные контексты восприятия тех или иных регионов, включить их образы в более крупные образные системы. В этом плане, как с культурологической, так и с географической точек зрения наиболее интересны труды по регионализму, культурно-исторической и цивилизационной геополитике (А. С. Макарычев, В. Страда, В. Л. Цымбурский, И. Г. Яковенко), территориальной и национальной идентичности (И. М. Бусыгина, И. П. Глушкова, А. В. Дахин, Л. Д. Гудков, Б. В. Дубин, М. П. Крылов, Д. Хусон).

Гуманитарно-географические исследования. Первоначальный импульс исследований, связанных с проблематикой географических образов, возник в сфере *географического страноведения*. Во второй половине XIX в. начинается довольно мощное содержательное и концептуальное развитие географического страноведения, которое стало в этот период (вторая половина XIX – начало XX вв.), по сути, ядром географической науки в целом. В рамках географического страноведения использование географических образов стало более эффективным, при этом само понятие географического образа стало более определенным и более структурированным. Описание и характеристика пейзажа в работах французской школы географии человека (О. А. Александровская, И. А. Витвер) – это, фактически, прямое выделение и структурирование географических образов местностей, регионов и стран. В контексте страноведческих работ данного периода понятие пейзажа или ландшафта является инвариантом географического образа, а сам географический образ становится непосредственным методологическим и теоретическим «инструментом» исследования в географической науке. Смысл пейзажного, так же как и образно-географического исследования заключается в выявлении и использовании наиболее ярких, запоминающихся черт, знаков, символов определенной местности, района и/или страны.

В середине и второй половине XX в. в географической науке происходит очень важный переход в осмыслении методологической значимости понятия географического образа.

Понятие географического образа в тех или иных вариантах стало использоваться различными отраслями и направлениями физической и социально-экономической географии. Быстрое содержательное расслоение и дисциплинарная дифференциация географической науки позволили провести параллельные процедуры методологической адаптации этого понятия сразу в нескольких ключевых предметных областях географии.

Методологическая адаптация понятия географического образа в сфере гуманитарной географии. В сфере гуманитарной географии это, безусловно, были география населения, особенно география городов (Г. М. Лаппо, Д. Покок, Р. Хадсон), социальная география в широком смысле (Р. Джонстон, Э. Соджа, Р. Сэк), поведенческая география (Дж. Голд, Р. Голлидж, К. Кокс), география культуры и культурная география (Ю. А. Веденин, С. Дэниэлс, Д. Косгроув, О. А. Лавренова, И-Фу Туан, Р. Ф. Туровский), политическая география и геополитика (В. А. Колосов, О'Туатайл), географическая глобалистика (Ю. Г. Липец), в последнее время также и когнитивная география (Н. Ю. Замятина, С. Косслин, М. Эгенхоффер). Интенсивное наращивание методического аппарата образно-географических исследований позволяет говорить о достаточно эффективном использовании понятия географического образа и в экономической географии.

Наиболее интенсивные модификации и собственно моделирование географических образов характерны для *культурной географии*, особенно для исследований *культурных ландшафтов*. Определенный уровень и своеобразие самой культуры выступают непременным условием качества создаваемого синтетического образа культурного ландшафта страны, района или местности, но и сами вновь созданные географические образы как бы пронизывают определенную культуру, придают ей неповторимость и уникальность.

Естественнонаучные исследования. Для более глубокого понимания закономерностей формирования образов географического пространства большую ценность представляют *исследования сенсорных систем* в рамках естественнонаучного знания. Изучение структур пространственного зрения (В. М. Бондарко, Л. И. Леушина, Ю. Е. Шелепин), закономерностей восприятия пространства в психофизиологии и физиологии движения (В. Л. Деглин, Ю. П. Леонов, Н. Е. Пинхасик) позволяет, с помощью аналогий, понять специфику процессов, способствующих формированию образов географического пространства. Главное в этом – обнаружение механизмов перехода от статичных к динамичным образам и механизмов сосуществования различных образов в панорамном зрении.

Физическая география и картография. В сфере физико-географических исследований, важных для понимания особенностей изучения географических образов, выделяется геоморфология, в рамках которой разработаны наиболее детальные и содержательные процедуры дистанцирования от предмета самого исследования; значительная часть концептуальных моделей в геоморфологии, как классических, так и современных, по сути, является образно-географической (В. Дэвис, В. Пенк, Ю. Г. Симонов, И. С. Шукин).

В картографии развитие образно-географических исследований прямо связано с изучением семиотики и семантики географических карт и картографических моделей (А. Володченко, О'Кадла, Ю. Ф. Книжников, А. А. Лютый, М. Эдни). Сравнительно новой для традиционной картографии является тема виртуальных геоизображений (А. М. Берлянт), которая вполне очевидно связана с проблемой репрезентации географических образов.

В *психологии* осязаемый специальный интерес к изучению образов географического пространства возник первоначально в 1910—1920-х гг., в рамках быстро развивавшейся гештальт-психологии. Затем, начиная с 1930-х гг., эти образы стали также интенсивно исследоваться в работах, придерживавшихся концепции бихевиоризма (прежде всего ментальные карты), и довольно сильно повлиявших на становление поведенческой географии (Р. Кичин, С. Милграм). В 1960-х гг. психологические исследования образов географического пространства стали, по сути, междисциплинарными – на стыке с языкознанием и филологией, теорией искусственного интеллекта (Т. И. Вендина, Т. Я. Елизаренкова, Е. Ю. Кандрашина, М. Минский, Д. А. Поспелов). Благодаря этому процессу началось развитие новой научной области – когнитивной психологии (В. М. Величковский, Р. Солсо), а затем и когнитивной науки (науки о закономерностях познания, формирующейся на стыке языкознания, психологии, политологии и социологии) (В. З. Демьянков, Е. С. Кубрякова, Е. А. Рахилина), в которой значительное место заняли исследования ментальных и ментально-географических пространств. Становление когнитивной науки, в свою очередь, способствовало (наряду с внутренними причинами развития) появлению в 1990-х гг. новой географической дисциплины – *когнитивной географии*.

Таким образом, существует научная база, необходимая для анализа поставленной проблемы. Представления, сложившиеся в рамках отдельных предметных областей, содержат достаточно материала для культурологического обобщения. Вместе с тем, недавно попавшая в поле научного внимания проблематика моделирования географических образов разработана фрагментарно. Дальнейшая разработка этого проблемного поля и является нашей задачей.

Гипотеза исследования. Любая культура самоопределяется, идентифицирует себя посредством рядов, или серий различных образов (или образов-архетипов). В числе таких основополагающих образов – географические. Посредством географических образов культура позволяет членам социокультурных общностей обживать, осваивать окружающий мир, занимаемые ими территории не только в плане физической адаптации (классическая оппозиция природа – культура), но и в экзистенциальном, феноменологическом плане. Моделируемые или реконструируемые географические образы являются частью феноменологии культуры, а сама география в целом есть феномен культуры. Исходя из этого, возможны и существуют, естественно, различные географии в разных культурах; такие географии могут эпистемологически пересекаться, что ведет к межкультурной интерференции различных по цивилизационному генезису географических образов.

Теоретико-методологические основы исследования. Настоящее исследование носит синтетический и междисциплинарный характер. Работа располагается на стыке различных традиций, задается спецификой рассматриваемого материала и конструируется вместе с эпистемологической тканью исследования. Среди основных методов – сравнительно-исторический, сравнительно-географический, историко-географической реконструкции, системно-структурный, аппарат культурологического, политологического и цивилизационного анализа,

графический и картографический. Автором разработан и использован метод образно-географического картографирования.

Характеризуя основные методологические источники, прежде всего, следует указать на европейскую феноменологическую традицию, которая лежит в основе большинства разработанных автором образно-географических моделей.

В ряду методологических оснований работы существенное место занимают синергетическое видение и системные представления о пространстве культуры и географических образах в культуре как его естественной и органической составляющей. Географические образы рассматриваются, в связи с этим, как самоорганизующееся, достаточно автономное целое, развивающееся в различных по своей социокультурной ориентации контекстах.

Заслуживает пояснения обращение к произведениям литературы и искусства. Автор сознательно отстраняется от литературоведческих и искусствоведческих аспектов изучения образов пространства, концентрируя свое внимание на геокультурном анализе этих произведений. Именно такой анализ позволяет обнаружить специфику моделирования географических образов в культуре, прояснить механизмы взаимодействия и взаимовлияния культуры и пространства. С нашей точки зрения, произведения литературы и искусства являются одним из наиболее благоприятных «полигонов» для изучения феноменологии географических образов.

Геокультурологический ракурс требует формулировки отношения к современным парадигмам социокультурного развития в контексте глобализации. Здесь, на наш взгляд, сложились три модели – модель социокультурной дифференциации в условиях глобального доминирования западной (евроамериканской) цивилизации; модель локальных центров социокультурного развития, не способных к эффективному взаимодействию на глобальном уровне; и, наконец, медиативная модель социокультурного дистанцирования, предполагающая формирование и развитие межкультурных и межцивилизационных пространств, являющихся продуктом и результатом взаимодействия различных культур и цивилизаций. Именно в рамках третьей модели можно говорить об эффективном моделировании географических образов, являющихся чаще всего результатом подобных межкультурных взаимодействий.

Среди других методологических особенностей настоящего исследования можно назвать междисциплинарную компаративистику, когда тезис общего характера иллюстрируется материалом, привлекаемым из различных сфер знания.

Практическая значимость исследования состоит в том, что оно предлагает общетеоретическую модель, описывающую механизмы взаимодействия культуры и пространства, формирует теоретический аппарат для обсуждения различных моделей географических образов в культуре и включает инструментарий, позволяющий оценивать концептуальные разработки и трактовки взаимоотношений и взаимовлияния процессов культурного и пространственного развития.

Основные положения, важные для понимания содержания книги:

1. Моделирование географических образов представляет собой междисциплинарную научную область на стыке культурологии, социокультурной антропологии и культурной географии – более сложную, чем механическая совокупность частных научных моделей, выражающих представления отдельных социальных групп и личностей.

2. Географические образы – это феноменологическая категория описания культуры.

3. Географические образы являются идеологическим срезом культуры и социальной практикой. Развитая сфера взаимодействия культуры и пространства включает в себя как представления о фундаментальных географических образах, так и социокультурные механизмы формулирования, согласования, культурной и политической реализации и постоянной коррекции этих представлений.

4. Моделирование географических образов в содержательном плане не совпадает с теорией и практикой моделирования, принятых в естественных науках. Оно представляет собой

т. н. «мягкий тип» моделирования, ориентированный на образные представления об изучаемых объектах.

5. Мышление в категориях географических образов и их производных выступает фактором формирования и воспроизводства культуры. Фиксируемые на феноменологическом уровне представления о фундаментальных географических образах являются критерием уникальности культуры.

6. Сфера взаимодействия культуры и пространства формирует образно-географическую традицию, являющуюся существенным элементом культурных традиций любого общества.

7. Конкретные модели географических образов могут быть разработаны и качественно оценены в рамках концепции географических образов и определенной образно-географической традиции, сформировавшейся в данной культуре.

Благодарности

Я признателен, в первую очередь, моей жене, Надежде Юрьевне Замятиной, за профессиональную, моральную и техническую поддержку в процессе работы над книгой. Близкие научные интересы позволяли быстро находить в диалоге решения трудных и нетрадиционных вопросов, возникавших в ходе исследования.

Исследования и доклады географов-теоретиков Б. Б. Родомана и В. Л. Каганского в течение 1980-х гг. оказали большое влияние на формирование научных взглядов автора. Становление образно-географической научной концепции во многом связано с плодотворным общением автора с этими учеными. Исследования феномена пространственности и пространственных представлений в географии, выполненные в 1990-х гг. Г. Д. Костинским, а также личное общение с ним, помогли автору «нащупать» философские основы концепции географических образов. Серьезную поддержку на стадии формирования основных положений авторской концепции оказал В. Н. Стрелецкий, чей культурно-географический «багаж» позволил автору нарастить методологический «костяк» развиваемого научного направления. Крайне важной для развития авторской концепции была содержательная и чисто практическая поддержка Г. М. Лаппо в течение 1991–2003 гг. Большое и неоценимое моральное и организационное содействие, начиная с 1999 г., было оказано автору Ю. А. Ведениным и Н. С. Мироненко. Уточняющие вопросы Л. В. Смирнягина к автору помогли ему найти содержательные границы концепции. Науковедческие и философские споры и дискуссии с В. А. Шупером помогли автору оценить характер и глубину различий между сосуществующими научными парадигмами в географии. Ю. Г. Липец способствовал вхождению автора в новые научно-географические сообщества, открытость которых позволила обсуждать положения авторской концепции. Концептуальный контекст для оформления авторской концепции в гуманитарной географии был создан И. И. Митиным, развивающим «идеологически близкую» концепцию мифогеографии.

Особая благодарность – И. Г. Яковенко, внимательно прочитавшему рукопись и сделавшему ряд существенных замечаний, учтенных мной при доработке окончательного варианта работы.

В области междисциплинарных контактов автор многим обязан, прежде всего, М. В. Ильину, чьи эрудиция и жесткая научная критика наших работ создали возможность строгих научных формулировок в сравнительно зыбкой до недавних пор гуманитарно-научной области. Ряд интересных проблемных вопросов по содержанию книги был поставлен А. Ф. Филипповым, ответы на которые потребовали от меня дополнительной проработки методологических оснований предлагаемой концепции. Должен отметить также безусловную плодотворность и содержательность общения в рамках поставленных автором научных задач с Б. В. Дубиным, Н. В. Корниенко, С. А. Королевым, Э. Г. Кочетовым, В. В. Лапкиным, С. В. Лурье, Б. В. Межуевым, А. И. Неклесса, В. И. Пантиным, Е. А. Петровской, В. А. Подорогой, В. Страда, В. Л. Цымбурским, Е. А. Яблоковым.

Немалую пользу автор извлек из общения с А. Н. Балдиным и В. Я. Головановым, совместное путешествие с которыми в Воронежскую область в рамках образно-географического проекта «К развалинам Чевенгура» (2000 г.) привело к концептуальному осмыслению непосредственной связи между характером освоения пространства и географическими образами, репрезентирующими и интерпретирующими это пространство. Наше общение с Р. Рахматулиным позволило автору глубже понять общие корни научных и художественных взглядов на земное пространство.

Автор приносит искреннюю благодарность коллегам по семинару по геополитике и политической географии при Российской Ассоциации политической науки (РАПН), общение с которыми, начиная с 1999 г., во многом помогло становлению его концепции. Хороший интел-

лектуальный контекст для развития авторской концепции был создан семинаром Э. В. Сайко при Научном Совете по истории мировой культуры Президиума РАН. Научное общение в рамках семинара по культурному ландшафту географического факультета МГУ (соруководители В. Н. Калуцков и Т. М. Красовская) способствовало нахождению концептуальных «мостиков» между естественнонаучными и гуманитарно-научными подходами к изучению пространства.

Используемые сокращения

ГГИТ – гуманитарно-географические информационные технологии;

ГО – географический образ;

ГОГ – географический образ города;

ГОКЛ – географический образ культурного ландшафта;

ГКО – геокультурный образ;

ГПО – геополитический образ;

ГЭО – геоэкономический образ;

ИГО – историко-географический образ;

КГО – культурно-географический образ;

ОГК – образно-географическое картографирование;

ПГО – политико-географический образ;

СЭГО – социально-экономико-географический образ;

ЭГО – экономико-географический образ.

Глава 1

Методологические и теоретические проблемы изучения взаимодействия культуры и пространства

Рассмотрение проблемы взаимодействия культуры и пространства предполагает междисциплинарный характер исследования, охватывающего широкое поле гуманитарного знания. Понятие образа прямо или косвенно изучается и используется в географии примерно с середины XIX в. Наряду с этим, географические представления и образы географических пространств достаточно давно (также не позднее, чем со второй половины XIX в.) исследуются в философии и гуманитарных науках. К настоящему времени в этой междисциплинарной области исследований сложились следующие направления: феноменологический и онтологический анализ образов географического пространства, геоисторический и историко-географический анализ образов пространства, мифологические, филологические и семиотические исследования географических представлений, изучение образов географического пространства в градостроении, социологии и психологии, анализ географических образов в культурной географии, географии искусства и искусствознании, исследования образов пространства в теоретической географии, исследования образов в геополитике и политической географии, изучение образов стран и регионов в географическом страноведении и межкультурной коммуникации.

В зависимости от используемой методологии, эти направления исследований можно объединить в четыре большие группы: философские, гуманитарно-научные, гуманитарно-географические и естественнонаучные. В философии исследуются онтологические и феноменологические основания образов географического пространства. В гуманитарно-научных работах ищутся закономерности формирования и развития географических представлений различного происхождения. В гуманитарной географии в целом изучаются особенности и закономерности формирования и развития географических образов и образно-географического пространства. В естественнонаучных трудах исследуются основы восприятия и воображения пространства. В ряде работ содержатся одновременно элементы разных методологий.

1.1. Традиции изучения образов географического пространства в философии

1.1.1. Проблематика пространства в философии и география

Глубокие традиции исследований образов географического пространства заложены в философии. Для классических философских исследований пространственных категорий и их образов были характерны именно методологические подходы. Это относится как к древнегреческой и античной философии, например, трудам Аристотеля¹, так и к немецкой классической философии (работы Канта и Гегеля). Однако следует отметить, что для этих работ изучение образов географического пространства не было предметом особого, специального интереса и находилось в ряду других, не менее важных исследовательских направлений.

К концу XIX в. методологическая ситуация в философии в значительной степени изменилась. Параллельно с развитием хорологической концепции в географии началось активное развитие феноменологических и онтологических исследований в философии, для которых характерен серьезный интерес к проблемам осмысления географического пространства. Изучение проблематики бытия и времени в трудах немецких философов Гуссерля и Хайдеггера было прямо связано с попытками создания фундаментальных образов географического пространства². К середине XX в., уже в рамках французской феноменологии, образы географического пространства стали непосредственной основой достаточно мощного философствования и определенных методологических позиций³. Эта тенденция была продолжена и развита на новом концептуальном уровне исследованиями французских структуралистов и постструктуралистов в 1950-х—1990-х гг., в которых изучаются не только образы географического пространства как таковые, но и предлагаются новые образы самой географии, базирующиеся на создании и использовании целенаправленных географических образов⁴. Очень важно, что при этом первоначально исключительно философские исследования стали распространять свой интерес на смежные области гуманитарных наук, что привело к появлению интересных междисциплинарных работ, затрагивающих содержательные и методологические аспекты формирования образов географического пространства. Здесь следует, конечно, отметить исследования мифологий и различных религиозных традиций, космогонических представлений на стыке философии, культурологии, этнологии, религиоведения и литературоведения⁵.

Осмысление географического пространства в философии. В явном контрапункте со своим глубоким и продуктивным интересом к истории и историософии находилось доста-

¹ См., например: Асоян Ю. А. Древнегреческие представления о пространстве и понятие места у Аристотеля: учение о «естественных местах». Автореф. канд. дисс. М., 1992.

² Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Кн. I. Общее введение в чистую феноменологию. М.: Дом интеллектуальной книги, 1999; Хайдеггер М. Искусство и пространство // *Он же*. Время и бытие. М.: Республика, 1993. С. 312–316; *Он же*. Бытие и время. М.: Ad marginem, 1997. С. 102–114; *Он же*. Прологомены к истории понятия времени. Томск: Водолей, 1998. С. 234–248.

³ Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. СПб.: Ювента, Наука, 1999. С. 312–384; Нанси Ж. – Л. Corpus. М.: Ad marginem, 1999.

⁴ Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? М.; СПб., 1998; Дерри-да Ж. О грамматологии. М.: Ad marginem, 2000.

⁵ Фуко М. Слова и вещи: Археология гуманитарных наук. М.: Прогресс, 1977; Элиаде М. Космос и история. М.: Прогресс, 1987; *Он же*. Священное и мирское. М.: Изд-во МГУ 1994; *Он же*. Аспекты мифа. М.: Академический проект, 2000; Башляр Г. Вода и грезы. Опыт о воображении материи. М.: Изд-во гуманитарной литературы, 1998; *Он же*. Грезы о воздухе. Опыт о воображении движения. М.: Изд-во гуманитарной литературы, 1999; *Он же*. Земля и грезы воли. М.: Изд-во гуманитарной литературы, 2000; Башляр Г. Поэтика пространства // *Он же*. Избранное: Поэтика пространства. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004; Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Изд. группа «Прогресс», «Универс», 1994; *Он же*. Мифологии. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2000.

точно прохладное в течение многих десятилетий отношение философии к методологическим проблемам географии. Речь, здесь, конечно, не о хорошо разработанной проблематике пространства в философии, но о непосредственном обращении интереса философии к проблематике пограничной, междисциплинарной, а до последнего времени и маргинальной. Обширной области философии истории соответствуют (а, скорее, никак не соответствуют) «точечные» пока исследования, которые обводят условным пунктиром область возможной философии (или философий) географии. Существование *геофилософии* напрямую связано здесь с конкретными инвективами заинтересованных исследователей и исследований.

На дальних подходах к философскому осмыслению географического пространства находятся исследования мифологических архетипов освоения земного пространства, в частности, известные работы Мирчи Элиаде⁶. Внимание этого исследователя было направлено на выявление *структурных механизмов преобразования небесных мифологических и религиозных архетипов в конкретные модели освоения земного пространства*. Древние городские культуры, например, Вавилон, организовывали свою территорию в соответствии со своими религиозными представлениями⁷. «...всякая территория, занятая с целью проживания на ней или использования ее в качестве «жизненного пространства», предварительно превращается из «хаоса» в «космос», посредством ритуала ей придается некая «форма», благодаря которой она становится реальной»⁸. Формы организации мирского пространства опирались на соответствующие формы организации пространства сакрального, при этом существовали определенные пути трансформации мирского пространства в пространство трансцендентное («центр») ⁹. Здесь мы наблюдаем как бы подсобную роль географического пространства в собственно мифолого-религиоведческих штудиях. Географическое пространство выступает в данном случае как «подопытный кролик», который меняет свои конфигурации в зависимости от сакральной и мифологической «окраски» автора этого пространственно-географического эксперимента (определенной системы религиозных или мифических представлений). *Географическое пространство как определенный архетип* – это минимально необходимая визионерская позиция, которая благоприятствует дальнейшему вырисовыванию, оконтуриванию, «высвобождению» его как предмета возможного философского интереса.

Известное исследование Гастона Башляра «Поэтика пространства»¹⁰ затронуло окраину интересующего нас методологического поля. Мощный анализ явления *топофилии* в психоаналитическом и феноменологическом контексте позволил «освоить» очень специфическое и до сих пор неясное для методологии географии пространство дома, пространства «прирученных» и облюбованных мест. Они, как правило, выпадали из собственно географического анализа и рассматривались по-преимуществу как исходная точка или субстрат для дальнейших теоретических и методологических построений. Но заранее заданное Башляром ограничение, ориентированность именно на «поэтику» как определенный жанр и способ философского видения сузило значимость его работы. «Веер» его психоаналитических работ, направленных на исследование классических натурфилософских стихий (воды, огня), затушевывал хорологический элемент, который, несомненно, присутствует в «Поэтике пространства». Топофилия, по существу, оказалась тем первым «межевым камнем», возле которого *географическое пространство само оказалось предметом непосредственно пространственно-географического интереса*. Географическое пространство как бы заинтересовалось само собой.

⁶ См.: Элиаде М. Космос и история. Избранные работы. М., 1987.

⁷ Там же. С. 37.

⁸ Там же. С. 38.

⁹ Там же. С. 45.

¹⁰ Башляр Г. Поэтика пространства // *Он же*. Избранное: Поэтика пространства. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004.

Дальнейший поиск в этой области связан, несомненно, с именами Мишеля Фуко, Жюль Делеза и Феликса Гваттари. Фуко вошел в соприкосновение с географической мыслью, дав в 1976 г. известное интервью французскому географическому журналу «Геродот»¹¹, а после этого он сформулировал собственные вопросы этому журналу¹². Следует отметить, что это была, по-видимому, одна из первых попыток философствования, которая являлась ответом на прямой *географический «заказ»*. Результаты интервью хорошо иллюстрирует заключительная сентенция философа («La géographie doit bien être au cœur de ce dont je m'occupe»)¹³. Вполне очевидно, что такая позиция диктовала строго ориентированную точку зрения – географическое пространство в этом случае не что иное как следствие целенаправленных мысленных или философских усилий, которые как бы непосредственно и «воочию» буквально сооружают, формируют его вокруг себя. Все географическое пространство становится как бы центральным, при этом центр может постоянно перемещаться. Географическое пространство представляется как *тотально-ментальное*, конкретные географические координаты есть лишь продукт географически ориентированной мысли. *Представление о географическом пространстве переросло, превратилось в само географическое пространство* – в той мере, в какой оно необходимо для своего собственного осознания и функционирования.

Впоследствии эта позиция Фуко трансформировалась. В позднейшем интервью «Пространство, знание и власть» (1982) он апеллировал к опыту написания им книги «Слова и вещи» и утверждал, что частое использование «пространственно-генных» концептов (то есть утверждений и посылок, связанных с употреблением слова «пространство») связано с самим содержанием книги. Философ отрицал, что это не что иное как пространственные метафоры¹⁴. Пространство философского опыта было приравнено им, таким образом, к пространству собственно географическому, а само географическое пространство могло выступать лишь как строго функциональное, специализированное, специфическое пространство человеческой деятельности. Политическую организацию, пространство политической власти невозможно оторвать от собственно географического пространства, в котором они сформированы; это одно и то же. Территориальная организация Франции XVII–XVIII вв., по мнению Фуко, подтверждает его мысль. Однако он утверждал, что города организуют государственное пространство, а само государство уподоблял огромному городу¹⁵. В случае Фуко экспансия пространственных метафор на самом деле привела к тому, что *само географическое пространство превратилось в свою собственную метафору*, стало тождественным ей. Образ единого прежде географического пространства раздробился, фрагментировался на множество жестких, «служебных» пространственных образов, которые и формируют мозаику пространственного опыта конкретного человека. Произошла своеобразная имплантация географического пространства как предмета философствования в сферу гораздо более широкого ментального поиска, в котором оно стало непосредственным орудием мысли. *Сама мысль стала пространственно-географической, пространственно-географическим явлением* или, по крайней мере, осознала себя таковой.

Более осторожным и как бы более пространственно «рассеянным», рассредоточенным было исследование Делеза и Гваттари «Ризома»¹⁶. Ризоматическая структура, подробно описанная и интерпретированная авторами на ряде примеров, как нельзя лучше отвечала потребностям «ненапряженного» философского осмысления географического пространства. По всей видимости, *образ ризомы* сам по себе идеально воспроизводит как бы ненапряженное и «отды-

¹¹ Questions á Michel Foucault sur la géographie // *Foucault M.* Dits et écrits. 1954–1988. III. 1976–1979. Paris, 1994.

¹² Des questions de Michel Foucault á «Hérodote» // *Ibid.*

¹³ Questions á Michel Foucault sur la géographie... P. 40.

¹⁴ Espace, savoir et pouvoir // *Ibid.* IV. 1980–1988. P. 286.

¹⁵ *Ibid.* P. 271–272. См. также: *Driver F.* Bodies in space: Foucault's account of disciplinary power // *Reading human geography: the poetics and politics of in-quiry* / Ed. by T. Barnes and D. Gregory. London: Edward Arnold, 1997. P. 279–289.

¹⁶ *Deleuze G., Guattari F.* Rhizome. Introduction. Paris: Minuit, 1976.

хающее» пространство, пространство, которое не стремится центрироваться, дифференцироваться или автоматически иерархизироваться. Это принципиально важный пример пространства ацентричного и неиерархизированного, чья самоорганизация заключается в отсутствии организации; ризома – система без памяти¹⁷. По существу, уподобление географического пространства ризоме позволяет автоматически избежать возможных философских натяжек, которые связаны с целенаправленными интерпретациями явлений, обладающих явными или четко выраженными территориальными структурами. Философствование обретает здесь свое *пространственно-географическое «алиби»*, которое позволяет как бы безнаказанно играть географическими образами реальности, а сама реальность в философском дискурсе становится географической *ad hoc*.

Последняя совместная работа Ж. Делеза и Ф. Гваттари «Что такое философия?» (1991)¹⁸ показала, что философия активно осмысляет понятие географического пространства и, более того, пытается наращивать свой «объем» как бы за счет географии. Выдвинутое этими мыслителями понятие *геофилософии* развивается на основе наиболее общих географических образов – земли и территории: «Мысль – это не нить, натянутая между субъектом и объектом, и не вращение первого вокруг второго. Мысль осуществляется скорее через соотношение территории и земли»¹⁹. Два процесса определяют их соотношение – процесс *детерриториализации* (открытие территории вовне, от территории к земле) и процесс *ретерриториализации* (от земли к территории, восстановление территории через землю). Именно эти как бы переходные зоны между философией и географией позволяют говорить об игре с географическим пространством и – географическим пространством. Мысль формируется, «формируется» географическим пространством и становится, по сути, формой этого пространства; иначе: происходит «географическое положение» мысли. «География не просто дает материю переменных местностей для истории как формы. Подобно пейзажу, она оказывается не только географией природы и человека, но и географией ума»²⁰.

Современное российское философствование «в сторону» географического пространства связано, в первую очередь, с исследованиями В. А. Подороги. В книге «Выражение и смысл. Ландшафтные миры философии» (1995) ему удалось на примере творчества Киркегора, Ницше, Хайдеггера показать роль и значимость конкретных географических образов в становлении философских произведений. Особенно важно осмысление исследователем пограничных, *лиминальных пространств*, или пространства-на-границе – тех пока еще крайне слабо описанных географических образов, которые фактически очень сильно стимулируют и само философствование, даже в какой-то степени определяют саму его структуру. Так, в случае Киркегора особая роль предоставлена интерьеру, но это именно пространство-на-границе, между Внешним и Внутренним; сами границы «...как бы распыляются, диффузируют, открывая внешнее внутреннему, и наоборот», а интерьер «...является устойчивым образом этой диффузии Внешнего во Внутреннем»²¹. Мышление Киркегора приобретает черты *экзистенциальной картографии*, а порождаемые им географические пространства практически не совместимы. Лишь сам масштаб экзистенции мыслителя, который задает и возможности подобного картографирования мысли, позволяет проводить операции дублирования или совмещения этих пространств²². Геобиография и творчество Ницше в этом смысле еще более показательны. Они по-существу сосредоточены полностью в пределах лиминальных пространств, которые

¹⁷ Ibid. P. 62.

¹⁸ Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? М.: СПб., 1998.

¹⁹ Там же. С. 110.

²⁰ Там же. С. 124.

²¹ Подорога В. А. Выражение и смысл. Ландшафтные миры философии. М., 1995. С. 77–78.

²² Там же. С. 81–83.

определяются автором не как маргинальные, но как промежуточные, нейтральные, не занимающие определенной позиции к центру²³. Философствование же Хайдеггера попросту невозможно вне географического пространства, ключевое понятие его философствования – *Dasein* – изначально пространственно: «...человек неотделим от «своего» пространства, существование его в качестве *Dasein* «пространственно»²⁴. Мысль Хайдеггера не предстоит, не противостоит ландшафту, но сопричастна ему; она по сути *ландшафтна*. Таким образом, все усилия мысли означают не что иное как прокладывание пути в определенном ландшафте; *образ ландшафта порождается скоростью самой мысли*²⁵.

Работы В. А. Подороги означали принципиальный поворот, ранее почти не заметный, в интересующей нас проблематике. Географическое пространство оказалось важным и органичным условием самого философствования, а зачастую и как бы его «героем». Географические образы как бы пронизывают структуры философствования и определяют фактически их эффективность. Пространство географических образов, в данном случае тождественное самому географическому пространству, выступило естественным полем или *контекстом* любой возможной и потенциально продуктивной, ориентированной на себя, мысли. Пространственно-географическая форма философствования сделала возможным как бы тотальное «промысливание», «*опространствление*» самого географического пространства. Географическое пространство мыслилось пространственно-географически, адекватность обратного движения обеспечивалось как раз противонаправленностью предыдущего.

Наиболее продуктивной стала линия философствования, которая была связана с географическими образами движения, с *динамикой географического пространства*. Путешествие как вершина географического самопознания и одновременно как крайне сильная позиция «географически» ориентированного философствования привлекло серьезное внимание исследователей²⁶. В первом случае (исследование поэтики странствий в творчестве О. Э. Мандельштама) географическое пространство и его конкретные ипостаси (динамичные ландшафтные образы) стали выражением откровенной экспансии «внутреннего», «душевного» пространства²⁷. «Особый характер сопряжения реального и внутреннего пространства, искусство выведения внутреннего во сне, создание своего «языка пространства» составляют суть ландшафтной поэтики Мандельштама»²⁸. Формируются своеобразные пространственные системы, которые задают ритм изменения самого географического пространства в согласии с внутренними установками реального или поэтического путешествия. Фактическая множественность подобных пространств выступает условием путешествия и вообще возможности пути: «Путь осмыслен при допущении о существовании иных пространств, сближение и коммуникация которых и является его конечной целью»²⁹. Пространства как бы сами меняют свои образы, под «давлением» прокладываемых повсюду путей: «...по мере прокладывания дорог из одного пространства в другое изменяется роль и значение этих пространств в человеческой жизни, претерпевает изменение реальный ландшафт человеческого мира: дороги выпрямляются, горы становятся ниже, моря – спокойнее, пустыни – меньше, поля – обширнее и т. п. Происходит

²³ Там же. С. 143.

²⁴ Там же. С. 263.

²⁵ Там же. С. 275.

²⁶ *Завадская Е. В.* «В необузданной жажде пространства» (поэтика странствий в творчестве О. Э. Мандельштама) // Вопросы философии. 1991. № 11; *Касавин И. Т.* «Человек мигрирующий»: онтология пути и местности // Там же. 1997. № 7. См. также: *Tuan Y.* Realism and fantasy in art, history and geography // Annals of Association of American Geographers. 1990. № 80. P. 435–446; *Stewart R. S., Nicholls R.* Virtual worlds, travel, and the picturesque garden // Philosophy & Geography. 2002. Vol. 5. No. 1. P. 83–99.

²⁷ *Завадская Е. В.* Указ. соч. С. 27.

²⁸ Там же.

²⁹ *Касавин И. Т.* Указ. соч. С. 77.

«регионализация» местности»³⁰. Возникает как бы единое, постоянно расширяющееся поле географических образов, причем и сами эти образы находятся в различных стадиях становления. *Модальности путешествий* устанавливают специфические системы приоритетов, ценностей географических образов разных генезисов и структурных типов, как-то: поэтических, художественных, натуралистских и т. д. Возможна уже и позиция, как бы «зависающая» над самой траекторией конкретного, реального или воображенного, путешествия; *метафизика путешествия* выступает вполне притягательной темой, которая может «провоцировать» создание целых «гроздьев» или кластеров географических образов.

Автохтонное географическое философствование, которое было направлено на понимание роли и значения различных географических образов, географического пространства, развивалось в 1980—1990-х гг. и собственно в среде профессиональных географов³¹. Выходя за пределы своей традиционной компетенции, географы задавались вопросами, которые при всей их традиционной постановке несли в себе «зерна» нетрадиционного, как бы расплывчатого и одновременно строго хорологического подхода. Так, изучение *образа места* оказалось очень важным с позиций классических прикладных географических исследований по электоральной географии, географии малого бизнеса и местного самоуправления³². Развитие целой индустрии культурного наследия повело к осознанию важности формирования и культивирования образов тех или иных географических мест³³. Место, по сути, не стало фиксироваться в традиционных географических координатах, но выступало уже скорее *как собственный образ или их совокупность*. Подобная методологическая ориентированность базировалась на признании важности *географического воображения*, которое опиралось на реальное, физическое место, но затем разрабатывало на этой основе необходимые ему образы³⁴. Географическое пространство стало как бы автоматически «разбухать», а его структура приобрела *очевидно неравновесный и неоднородный характер*.

1.1.2. Философские основания современной российской географии

Современная российская география «тянется» к философии. Это показали известные публикации в журнале «Вопросы философии» на рубеже 1990-х гг.³⁵. Все они были основаны именно на хорологическом подходе и рассмотрении основных методологических и философских проблем географии. Так, использование хорологического подхода мотивировалось тем, что «...любая деятельность людей сама дифференцирует пространство, даже совершенно однородное»³⁶. Наиболее сильный удар по обветшавшим догмам советской географии, кото-

³⁰ Там же.

³¹ *Tuan Yi-Fu*. Space and place: The perspective of experience. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1977; *Tuan Yi-Fu*. Topophilia: A study of environmental perception, attitudes, a. values / With a new pref. by the author. New York: Columbia University Press, 1990; *Harvey D.* The condition of postmodernity. L.: Basil Blackwell, 1989; *Soja E. W.* Postmodern Geographies: The Reassertion of Space in Critical Social Theory. London: Verso, 1990; *Sui D. Z.* Visuality, Aural-ity and Shifting Metaphors of Geographical Thought in the Late Twentieth Century // *Annals of the Association of American Geographers*. 2000. Vol. 90. № 2. P. 322–343.

³² *Daniels St.* Place and Geographical Imagination // *Geography*. 1992. № 4 (77). P. 311. См. там же основную библиографию по теме.

³³ Ibid. P. 312.

³⁴ См.: Ibid. P. 320. См. также: *Tuan Y.* Between space and time: reflections on the geographical imagination // *Annals of Association of American Geographers*. 1990. № 80. P. 418–434.

³⁵ См.: *Зимин Б. Н., Шупер В. А.* Забытая наука? // *Вопросы философии*. 1989. № 6; *Родман Б. Б.* Уроки географии // Там же. 1990. № 4; *Реймерс Н. Ф., Шупер В. А.* Кризис науки или беда цивилизации? // Там же. 1991. № 6.

³⁶ *Зимин Б. Н., Шупер В. А.* Указ. соч. С. 167.

рая активно критиковала хорологическую концепцию, был нанесен статьей Б. Б. Родомана³⁷. Воззрения А. Геттнера были органично встроены автором этой статьи в фундамент современных географических представлений. «Модель Канта-Геттнера проста, изящна и продуктивна. Вопреки распространенному мнению, она не отрывает «материю» от пространства и времени, а, наоборот, позволяет ее с ними логично соединять, сознательно двигаясь вдоль разных профилей одного и того же бытия, вырезая из мира четко ограниченные блоки; не запрещает географу заниматься историей своих объектов, а ботанику – их географией; допускает науки с двойным и даже с тройным гражданством, как, например, историческую экономическую географию или палеогеоморфологию»³⁸. Особенно важным следствием плодотворного использования хорологического подхода стало изобретение *научных картоидов*, благодаря которым «...география сделала эпохальный шаг: нашла способ наглядного картографического отображения не единичных, а общих высказываний, составляющих суть науки; изобрела наглядные структурные формулы географических явлений и законов»³⁹. Внедрение картоидов в научную практику и их теоретико-методологическое осмысление означали качественное развитие хорологической концепции. География «повернулась лицом» к пространственно-образным представлениям окружающего мира и вернулась на новом витке своего развития к проблеме географического образа (образов) мира.

Следует отметить, что этот фундаментально важный методологический поворот не был замечен всем географическим сообществом. Классическая географическая теория диффузии нововведений, которая была разработана шведским географом Т. Хегерстрандом, оправдалась и в этот раз. На периферии (не обязательно географической, но, скорее, методологической) научного географического сообщества в России продолжают сохраняться и до сих пор анти- или вне-хорологические представления о цели и задачах географии⁴⁰. Характерно, что эта методологическая («антихорологическая») линия может существовать, по-видимому, лишь в контексте отталкивания или отторжения хорологического подхода в географии. «В сущности А. Геттнер вслед за немецким философом В. Вундтом проводил кантианскую идею: различие между науками обусловлено не своеобразием их объектов, а лишь различием наших точек зрения на объект. Субъективно-идеалистическая и метафизическая классификация А. Геттнера в действительности упраздняла географию как науку»⁴¹. Спор в данном случае идет в совершенно различных методологических плоскостях, и ситуацию взаимного непонимания определяет разница в размерах, ширине, масштабности самого методологического поля, которое задает соответствующие координаты методологического поиска.

Реальное и эффективное применение хорологического подхода в географических исследованиях подразумевает естественный и достаточно рациональный *синтез пространственной и временной координат*. Так, изучение взаимодействия технологического прогресса и территориальной структуры хозяйства основано именно на прослеживании пространственной диффузии основных технологических нововведений, но сама эта пространственная диффузия «...растягивалась на столетия»⁴². Это привело к закономерному выделению стадий эволюции территориальной структуры хозяйства, при этом главные их характеристики связаны с качеством и структурными особенностями экономико- и социально-географического пространства⁴³. Таким образом, временные этапы пространственного развития какого-либо явления

³⁷ Родоман Б. Б. Указ. соч.

³⁸ Там же. С. 37.

³⁹ Там же. С. 43.

⁴⁰ См.: Кузнецов П. С. О связях географии с философией // География и природные ресурсы. 1996. № 4.

⁴¹ Там же. С. 185.

⁴² Стрелецкий В. Н. Технологический прогресс и территориальная структура хозяйства: историческая траектория взаимодействия (на примере Германии) // Известия РАН. Серия географическая. 1995. № 1. С. 75.

⁴³ Там же. С. 76–77.

заполняются как бы своим пространственно-географическим эквивалентом и становятся уже синтетическим, хорологическим по существу научным продуктом.

Хорологический подход в современных географических исследованиях ведет и к собственно методическим изменениям. Сам объект исследования – географическое пространство – становится как бы расплывчатым, нечетким, и стимулирует применение адекватных этой методологической ситуации средств⁴⁴. Классическая для современной социально-экономической географии *проблема центра и периферии* нуждается уже в неклассическом для этой научной области исследовательском аппарате. «Недостаточно высокая определенность, расплывчатость содержания многих интересов в территориальных системах дают основания считать, что при отыскании компромиссов значение и возможности строгих методов сравнительно ограничены и на первый план выступает неформальный и полужформальный исследовательский аппарат, основу которого можно видеть прежде всего в методах экспертных оценок и теории размытых множеств»⁴⁵. Рассмотрение проблемы центра и периферии во все новых содержательно-методологических срезах и контекстах, как в данном случае (территориальная справедливость) почти автоматически может привести к быстрому умножению и расширению всего спектра возможных географических методик и приемов исследования.

Подобные изменения проходят пока более на интуитивном уровне, чем на уровне осмысленной и целенаправленной рефлексии. Объект исследования постоянно изменяется, находится в динамике и ставит все новые и новые задачи. Этот процесс требует, по-видимому, отчетливого осознания структурных основ взаимодействия самого объекта географических исследований и исследователя, который находится, по сути, *внутри объекта*. Географическое пространство окружает географа-исследователя и меняет свою конфигурацию в зависимости от тех или иных его действий. Задается, таким образом, ситуация, которая ориентирована на выработку *динамической исследовательской позиции*. Эта позиция должна постоянно как бы опережать оперативно свой «ускользающий» объект и строить его превентивные конфигурации.

⁴⁴ См.: Стрелецкий В. Н. Географическое пространство и культура: мировоззренческие установки и исследовательские парадигмы в культурной географии // Известия РАН. Серия географическая. 2002. № 4. С. 18–29.

⁴⁵ Котляков В. М., Трофимов А. М., Селиверстов Ю. П., Хузеев Р. Г., Комарова В. Н. Центр и периферия: проблема территориальной справедливости (вопросы методологии) // Известия РАН. Серия географическая. 1998. № 1. С. 41.

1.2. Традиции изучения образов географического пространства в гуманитарных науках

В сфере гуманитарных наук образы географического пространства разрабатывались и продолжают разрабатываться прежде всего в филологии и языкознании⁴⁶, психологии⁴⁷, культурологии, антропологии и этнологии⁴⁸, когнитивных науках⁴⁹, искусствоведении⁵⁰, архитек-

⁴⁶ *Всеволодова М. В., Парицкова З. Г.* Способы выражения пространственных отношений. М.: Изд-во МГУ, 1968; *Анциферов Н. П.* Душа Петербурга. Петербург Достоевского. Бель и миф Петербурга. Репринт. М.: Книга, 1991; *Бахтин М. М.* Формы времени и хронотопа в романе // *Он же.* Вопросы литературы и эстетики. М.: Худож. лит., 1975. С. 234–408; *Протн В. Я.* Исторические корни волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2000; *Лотман Ю. М.* От редакции: К проблеме пространственной семиотики // Труды по знаковым системам. 19. Семиотика пространства и пространство семиотики. Тарту: Изд-во ТГУ 1986. (Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. Вып. 720). С. 3–6; *Лотман Ю. М.* Заметки о художественном пространстве: 1. Путешествие Улисса в «Божественной комедии» Данте; 2. Дом в «Мастере и Маргарите» // Труды по знаковым системам. 19. Семиотика пространства и пространство семиотики. Тарту: Изд-во ТГУ, 1986. (Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. Вып. 720). С. 25–43; *Топоров В. Н.* Пространство и текст // Текст: семантика и структура. М.: Наука, 1983. С. 227–285; *Топоров В. Н.* Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М.: Изд. группа «Прогресс» – «Культура», 1995; *Эпштейн М. Н.* «Природа, мир, тайник вселенной...»: Система пейзажных образов в русской поэзии. М.: Высшая школа, 1990; *Цивьян Т. В.* Движение и путь в балканской картине мира. Исследования по структуре текста. М.: Индрик, 1999; Москва и «Москва» Андрея Белого: Сб. статей / Отв. ред. М. Л. Гаспаров. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 1999; Логический анализ языка. Языки пространств. М.: Языки русской культуры, 2000; *Бондаренко Г. В.* Мифология пространства Древней Ирландии. М.: Языки славянской культуры, 2003; *Talmy L.* How Language Structures Space // Spatial Orientation: Theory, Research, and Application / Pick H. and Acredolo L. (Eds.). New York: Plenum Press, 1983. P. 225–282 и др.

⁴⁷ *Александрова М. Д.* О качественной характеристике пространственных порогов зрительного восприятия // Учен. зап. ЛГУ. 1953. № 147. С. 28–35; *Ананьев Б. Г.* Психология чувственного познания. М.: АПН РСФСР, 1960; *Кликс Ф.* Элементы психофизики восприятия пространства. М.: Прогресс, 1965; *Веккер Л. М.* Психические процессы. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1974. Т. 1; *Арихейм Р.* Визуальное мышление // Хрестоматия по общей психологии / Под ред. Ю. Б. Гипперрейтер, В. В. Петухова. М.: Изд-во МГУ, 1981. С. 97–108; *Арихейм Р.* Новые очерки по психологии искусства. М.: Прометей, 1994; *Логвиненко А. Д.* Зрительное восприятие пространства. М.: Изд-во МГУ, 1981; *Он же.* Чувственные основы восприятия пространства. М.: Изд-во МГУ, 1985; *Петренко В. Ф.* Введение в экспериментальную психосемантику: Исследование форм презентации в обыденном сознании. М.: Изд-во МГУ, 1983; *Величковский Б. М., Блишкова И. В., Лапин Е. А.* Представление реального и воображаемого пространства // Вопросы психологии. 1986. № 3. С. 103–112; *Барабанищikov В. А.* Восприятие и событие. СПб.: Алетейя, 2002; *Резник С.* Ментальное пространство. Киев: УАП-МИГП, 2004 и др.

⁴⁸ *Тэрнер В.* Символ и ритуал / Сост. и автор предисл. В. А. Бейлис. М.: Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука», 1983; *Левин-Стросс К.* Структурная антропология / Пер. с франц. под ред. и с примеч. Вяч. Вс. Иванова; Отв. ред. Н. А. Бутинова и Вяч. Вс. Иванов. М.: Наука; Гл. ред. восточной литературы, 1985; *Гачев Г.* Национальные образы мира. М.: Советский писатель, 1988; *Гачев Г.* Национальные образы мира. Космо-Пси-хо-Логос. М.: Издат. группа «Прогресс» – «Культура», 1995; *Мосс М.* Общества. Обмен. Личность: Труды по социальной антропологии / Пер. с франц. М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 1996; *Лурье С. В.* Историческая этнология. М.: Аспект Пресс, 1997; *Щукин В.* Миф дворянского гнезда. Геокультурологическое исследование по русской классической литературе. Краков: Изд-во Ягеллонского ун-та, 1997; *Аппадурай А.* Ставя иерархию на место // Этнографическое обозрение. 2000. № 3. С. 8–14; *Лич Э.* Культура и коммуникация: Логика взаимосвязи символов. К использованию структурного анализа в социальной антропологии. М.: Восточная литература РАН, 2001; *Соколовский С. В.* Образы других в российских науке, политике и праве. М.: Путь, 2001; Антропология культуры. Вып. 1. М.: ОГИ, 2002; *Гириц К.* Интерпретация культур. М.: РОССПЭН, 2004; Геопанорама русской культуры: Провинция и ее локальные тексты / Отв. ред. Л. О. Зайонц; Сост. В. В. Абашев, А. Ф. Белоусов, Т. В. Цивьян. М.: Языки славянской культуры, 2004; *Mapping American Culture / Ed. by W. Franklin and M. Steiner.* Iowa City: University of Iowa Press, 1992; *Appadurai A.* Modernity at Large. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1996 и др.

⁴⁹ *Минский М.* Фреймы для представления знаний / Пер. с англ. М.: Энергия, 1979; *Лакофф Дж.* Когнитивная семантика // Язык и интеллект. М.: Прогресс, 1996. С. 143–184; *Он же.* Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении. М.: Языки славянской культуры, 2004; *Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г.* / Под общ. ред. Е. С. Кубряковой. Краткий словарь когнитивных терминов. М.: Филолог. факультет МГУ, 1996; *Кубрякова Е. С.* Язык пространства и пространство языка (к постановке проблемы) // Изв. АН. Сер. лит. и яз. 1997. Т. 56. № 3. С. 22–32; *Рахилина Е. В.* Когнитивный анализ предметных имен: Семантика и сочетаемость. М.: Русские словари, 2000 и др.

⁵⁰ *Муратов П. П.* Образы Италии. Т. I. М.: Галарт, 1993; *Он же.* Образы Италии. Т. II–III. М.: Галарт, 1994; *Панюфский Э.* Перспектива как «символическая форма». Готическая архитектура и схоластика. СПб.: Азбука-классика, 2004; *Богатырев П. Г.* Декорация, художественное место и время в народном театре // III Летняя школа по вторичным моделирующим системам: Тезисы Кяэрику, 10–20 мая 1968 г. Тарту: Изд-во ТГУ 1968. С. 157–165; *Vinner Б. Р.* Введение в историческое изучение искусства. 2-е изд., испр. и доп. М.: Изобразительное искусство, 1985; *Бергер Л. С.* Пространственный образ мира в структуре художественного стиля // Эстетический логос: Сб. статей. М.: Ин-т философии РАН, 1990. С. 72–94; *Грибков В. С., Петров В. М.* Локус развития мировой живописи: география перемещений // Искусство в контексте информационной культуры / Под

туре⁵¹, востоковедении⁵², истории⁵³, политологии⁵⁴ и экономике⁵⁵. Первоначальный методологический импульс для проведения подобных исследований в этих областях знаний был создан трудами структуралистов, однако впоследствии подобные работы стали более разнообразными и более глубокими, эффективно использующими собственный методологический потенциал.

1.2.1. Изучение образов географического пространства в истории

В рамках исторических исследований важное значение имеют работы французской Школы Анналов. Один из лидеров этой Школы, французский ученый Ф. Бродель положил начало геоисторическим исследованиям, в которых большое внимание уделяется образам географического пространства.

Еще в трудах основателей Школы Анналов Люсьена Февра и Марка Блока большое место уделено проблеме географического детерминизма. Эти ученые предпочитали говорить скорее о географическом POSSIBILIZME, когда географическая среда представляет человеческим

ред. Ю. Н. Парса, В. М. Петрова. М.: Смысл, 1997. С. 141–158; *Данилова И. Е.* Итальянский город XV века: реальность, миф, образ. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2000 и др.

⁵¹ *Араухо И.* Архитектурная композиция. М., 1982; *Глазычев В. Л.* Социально-экологическая интерпретация городской среды. М.: Наука, 1984; *Забельианский Г. Б., Минервин Г. Б., Ратнапорт А. Г., Сомов Г. Ю.* Архитектура и эмоциональный мир человека. М.: Стройиздат, 1985; Архитектура мира. Материалы конференции «Запад – Восток: взаимодействие традиций в архитектуре. М.: ВНИИТАГ, 1993; Семиотика пространства: Сб. науч. тр. Межд. ассоц. семиотики пространства / Под ред. А. А. Барабанова. Екатеринбург: Архитектон, 1999; *Бусева-Давыдова И.* Москва – новый Вавилон: к вопросу о сакральных топосах // Желанное и действительное. Архитектура в истории русской культуры. Вып. 3. М.: УРСС, 2001. С. 49–56.

⁵² *Бонгард-Левин Г. М., Грантовский Э. А.* От Скифии до Индии. Древние арии: мифы и история. 2-е изд., доп. и испр. М.: Мысль, 1983; *Аннабхата. Тарка-санграха (Свод умозрений). Тарка-дипика (Разъяснение к Своду умозрений) / Пер. с санскрита, введ., коммент. и ист. – филос. иссл. Е. П. Островской. М.: Наука; Гл. ред. вост. лит., 1989; Васильев Л. С.* Проблемы генезиса китайской мысли (формирование основ мировоззрения и менталитета. М.: Наука; Гл. ред. вост. лит., 1989; *Арутюнова-Фиданян В. А.* Армяно-византийская контактная зона (X–XI вв.). Результаты взаимодействия культур. М.: Наука; Изд. фирма «Восточная литература», 1994; *Исаева М. В.* Представления о мире и государстве в Китае в III–VI веках н. э. (по данным «нормативных описаний»). М.: Ин-т востоковедения РАН, 2000; *Васильева Е. Б.* Проблемы культурной идентификации японцев в эпоху Мэйдзи (1868–1912) глазами европейцев // Известия Восточного ин-та ДВГУ. Япония. Специальный выпуск. 2000. С. 49–64; *Александрова Н. В.* Географическое пространство в картине мира буддиста-паломника // Человек и природа в духовной культуре Востока. М.: ИВ РАН, Крафт+, 2004. С. 48–79.

⁵³ *Гуревич А. Я.* Категории средневековой культуры. М.: Мысль, 1972; *Вернан Ж. – П.* Происхождение древнегреческой мысли. М.: Мысль, 1988; *Февр Л.* Бои за историю. М.: Наука, 1991; *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2001; *Аттиас Ж. – К., Бенбасса Э.* Вымышленный Израиль. М.: Изд-во «ЛОРИ», 2002; *Вульф Л.* Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М.: Новое литературное обозрение, 2003; *Ayers E. L., Limerick P. N., Nissenbaum S., Onuf P. S.* All Over the Map: Rethinking American Regions. Baltimore and London: Johns Hopkins University Press, 1996.

⁵⁴ *Цымбурский В. Л.* Остров Россия (перспективы российской геополитики) // Политические исследования. 1993. № 5. С. 6–24; *Он же.* Геополитика как мировидение и род занятий // Политические исследования. 1999. № 4. С. 7–29; *Он же.* Россия – Земля за Великим Лимитрофом: цивилизация и ее геополитика. М.: Эдиториал УРСС, 2000; *Ильин М. В.* Геохронополитика – соединение времен и пространств // Вестник МГУ. Серия 12. Политические науки. 1997. № 2. С. 28–44; *Он же.* Геохронополитические членения (cleavages) культурно-политического пространства Европы и Евразии: сходства и различия // Региональное самосознание как фактор формирования политической культуры в России (материалы семинара). М.: МОНФ, 1999. С. 46–79; *Мелишкина Е. Ю.* Региональная идентичность как составляющая проблематики российского политического пространства // Региональное самосознание как фактор формирования политической культуры в России (материалы семинара). М.: Московский общественный научный фонд; ООО «Издательский центр научных и учебных программ», 1999. С. 126–138; Региональное самосознание как фактор формирования политической культуры в России (материалы семинара) / Кол. авторов; Под ред. М. В. Ильина, И. М. Бусыгиной. М.: Московский общественный научный фонд; ООО «Издательский центр научных и учебных программ», 1999; *Ашкерова А. Ю.* Политическое пространство и политическое время Античности // Вестник МГУ. Серия 12. Политические науки. 2001. № 2. С. 27–42 и др.

⁵⁵ *Некlessа А. И.* Конец эпохи Большого Модерна. М.: Институт экономических стратегий, 1999; *Он же.* Проект «Глобализация»: глобальные стратегии в предверии новой эры // Навигут (Научный Альманах Высоких Гуманитарных Технологий). Приложение к журналу «Безопасность Евразии». 1999. № 1. С. 100–146; *Кочетов Э. Г.* Геоэкономика (Освоение мирового экономического пространства). М.: Изд-во БЕК, 1999; *Он же.* Осознание глобального мира // Pro et Contra. 1999. Т. 4. № 4. С. 212–221; *Цымбурский В. Л.* Борьба за «евразийскую Атлантиду»: геоэкономика и геостратегия / Интеллектуальная хроника России. Год 2000. Приложение к журналу «Экономические стратегии». М.: Институт экономических стратегий, 2000 и др.

сообществам некий спектр возможностей для действия и развития, а сами общественные представления о возможностях этой среды также могут сильно варьировать⁵⁶. По сути, различные сообщества формируют специфические образы географической среды, которая и реагирует на человеческую деятельность в очевидном согласии с этими образами. Жестко фиксированный географический детерминизм предполагал малоподвижные, статичные географические образы, тогда как географический поппозитизм, с одной стороны, «отодвинул» несколько природу в сторону, а с другой, – дал этой природе шанс стать более разнообразной и интересной для человека. В классическом труде Броделя «Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II» (1949)⁵⁷ данная точка зрения получила максимально полное выражение.

Географические образы ученого незаметны, однако доходчивы: «Прежде всего горы», «Могущество равнин: Андалусия»⁵⁸, «Сахара, второе лицо Средиземноморья»⁵⁹. Весьма важно образно-географическое деление Средиземноморья на Западное и Восточное, в котором Сицилии отведена роль некоего Рубикона⁶⁰. Главное достижение Броделя – это осознание непрелюбимой важности историко-географического контекста, в котором находится и развивается тот или иной регион, страна, континент. Средиземноморье Броделя – упругий, пульсирующий, дышащий образ, захватывающий и отдающий обратно Атлантику, Центральную Азию, Восточную Европу, Русь⁶¹. Средиземное море постоянно мигрирует как историко-географический образ, восприятию чего способствует и картографическая игра с наложением средиземноморских контуров на другие географические регионы⁶².

Историко-географический образ обладает, как правило, одной очень важной особенностью: он четко структурирует близлежащие, «родственные» образы, пытаясь приспособить к собственным границам их очертания. У Броделя мы наблюдаем интересную игру – Средиземноморье формирует свои отношения с Европой, будучи, частично, самой Европой⁶³. Хотя, несомненно, Средиземное море протягивало свои культурные и экономические «щупальца» вглубь континента на протяжении тысячелетий, но влияние его образов на становление базовых, опорных образов Европы увеличивалось очень медленно и постепенно – Средиземное море античности и раннего средневековья было, скорее, морем восточным, афро-азиатским, языческим и исламским⁶⁴. Европа по-настоящему «узнала» Средиземноморье, как это ни странно, по-видимому, в эпоху Великих географических открытий. Расширившиеся в эту эпоху образы Атлантики, которые первоначально были совершенно различными, например, у испанцев и португальцев (в XVI веке уже сформировался единый образ «Севильской Атлантики» – великого океанического коридора иберийцев)⁶⁵, способствовали сосредоточению, уплотнению историко-географического образа Средиземноморья, явно уменьшавшегося в физическом отношении, однако обретавшем все больший историко-культурный и экономический контекст.

Географический поппозитизм означает развитие оригинальных структур наращивания, увеличения, умножения историко-географических образов. Такие образы растут как деревья, они наращивают содержательные периферийные слои, как годовые кольца. Аналогия

⁵⁶ Февр Л. Бой за историю. М.: Наука, 1991.

⁵⁷ См.: Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II. Часть 1. Роль среды. М.: Языки славянской культуры, 2002.

⁵⁸ Там же. С. 92–96.

⁵⁹ Там же. С. 239–260.

⁶⁰ Там же. С. 178–179.

⁶¹ Там же. С. 264–265.

⁶² Там же. С. 236.

⁶³ Там же. С. 298–300.

⁶⁴ Ср. там же. С. 258.

⁶⁵ Там же. С. 300–304.

здесь «двухэтажна», поскольку физико-географическое и/или климатическое единство региона может порождать переходящие друг в друга, слегка варьирующие образы одних и тех же ландшафтов, из коих могут складываться разные части, районы этого пространства. Бродель глубоко исследует и физико-географическое единство Средиземноморья, поскольку «переключка», сходство каменистых пейзажей внутреннего Лангедока и Палестины, образов Прованса, Греции и Сицилии, Йерских островов и Киклад, Тунисского озера и лагуны Кьоджи, Марокко и Италии⁶⁶ дают образную матрицу, упорядочивающую и мобилизующую явное взаимодействие природы и истории.

1.2.2. Изучение образов географического пространства в филологии и языкознании

В филологии и языкознании изучение образов географического пространства связано прежде всего с соотношениями языка и пространства⁶⁷, текста и пространства⁶⁸, языка и географической карты⁶⁹. Наряду с этим большое внимание здесь уделяется исследованиям категорий и образов пути и путешествий, лексики, синтаксиса и грамматики, определяющих те или иные образы географического пространства. Очень часто это могут быть работы на стыке с другими гуманитарными дисциплинами, например, с искусствоведением и музыковедением⁷⁰.

Так, например, современные исследования *античной мифографии* показывают, насколько древнее мышление коренилось в географическом пространстве, придавая всем своим произведениям поистине «географическую» форму⁷¹. Географические образы – в том виде, в котором они предстают в описаниях и систематизациях античных мифов – фактически сама реальность. Окружающая местность, пространство осознаются античным человеком постольку, поскольку они населены мифическими героями и богами, дающими названия родникам, горам, скалам, рекам, водопадам, городам и т. д. От того, насколько данная местность представлена в хорографических сочинениях (а именно они были одним из главных источников классической античной мифографии)⁷², зависел своего рода ее метагеографический «имидж» среди других местностей, областей и стран античной ойкумены. «Хорографическим» лидером древней Греции была, естественно, Аттика, немногим уступали ей Беотия, Аркадия и Фессалия. На периферии хорографического интереса – Мессения, Фокида и дикая Этолия⁷³.

⁶⁶ Там же. С. 329.

⁶⁷ Кубрякова Е. С. Язык пространства и пространство языка (к постановке проблемы) // Известия АН. Сер. лит. и яз. 1997. Т. 56. № 3. С. 22–32; Урысон Е. В. Языковая картина мира и лексические заимствования (лексемы округа и район) // Вопросы языкознания. 1999. № 6. С. 79–83; Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 737–791; Логический анализ языка. Языки динамического мира. Дубна: Международный университет природы, общества и человека «Дубна», 1999; Логический анализ языка. Языки пространств. М.: Языки русской культуры, 2000 и др.

⁶⁸ Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе // Он же. Вопросы литературы и эстетики. М.: Худож. лит., 1975. С. 234–408; Топоров В. Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура. М.: Наука, 1983. С. 227–285; Шиловский Д. П. Исчисление пространства в архаическом космогоническом тексте: к интерпретации стихов 736–738 «Теогонии» Гесиода // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 1998. № 6. С. 99; Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 163–175, 239–301 и др.

⁶⁹ Бюлер К. Теория языка. Репрезентативная функция языка. М.: Изд-дат. группа «Прогресс», 2000.

⁷⁰ Цивьян Т. В. Звуковой пейзаж и его словесное изображение // Музыка и невзвучающее. М.: Наука, 2000. С. 74–91; Николаева Т. Н. От звука к тексту. М.: Языки русской культуры, 2000.

⁷¹ Торшилов Д. О. Античная мифография: мифы и единство действия. С приложением аргументов Аристофана Византийского и «О реках» Лжеплутарха. СПб.: Алетейя, 1999.

⁷² Там же. С. 70–90.

⁷³ С. 79–82.

Характерно, что эпонимы (собственные имена богов и героев), раскрываемые в своем генеалогическом и хорографическом значениях через местные, локальные, мифы⁷⁴, очень хорошо систематизировались, каталогизировались – образуя последовательные и подробные генеалогические таблицы и описания мифо-географических карт⁷⁵. Хорографические сочинения образовывали ту пространственно-географическую плазму, посредством которой античное сознание как бы «опространствляло» себя – используя мифы и их содержание как первичную систему географической ориентации в окружающем мире. Но сами мифы еще не расчленили отчетливо пространство от времени, в результате чего их структуры представляли собой синкретическое слияние генеалогических и географических элементов⁷⁶. В их основе лежали простейшие «атомы», или формулы, например: «такой-то, сын такого-то и такой-то, дочери такого-то, основал такой-то город (или: «дал свое имя такому-то городу»).

Благодатная почва систематизированной мифографии, сами хорографические сочинения никоим образом не могли систематизировать мир. Системы мифов, организованных географически, никогда не существовало, ибо они естественно «ложились» на карту, сосуществовали друг с другом, не требуя иной организации, кроме хорологической. Это-то и создавало известные «зазоры» геомифографического пространства: оно всегда не полно, всегда можно найти место, «не покрытое» мифом, или «слабо» промысленное мифологически. Чем дальше от центра античной ойкумены, тем более вариативным становилось это пространство, тем более оно отходило от мифографических канонов, «обслуживших», например, большинство известных областей материковой Греции. И здесь, параллельно с мифологами, добросовестно работавшими на базе уже канонизированной хорографии, появлялись авторы, измышлявшие как бы из себя целые лжехорографические сочинения, покрывавшие недостаточно «мифологизированные» области Ойкумены. В подобных сочинениях сталкивались и накладывались порой далекие географические образы, соединявшиеся в причудливые мозаичные образно-географические системы. Так, река Фасис (современная Риони на Кавказе) в лжемифографическом сочинении «О реках» сдвигается с Кавказа в холодную Скифию, и ее описание пронизано северным колоритом⁷⁷. Античные хорографические сочинения и, шире, античная мифография – это прекрасный пример синкретической образно-географической организации мира.

1.2.3. Изучение образов географического пространства в архитектуре и градоведении

Весьма близко к когнитивным трудам в широком смысле находится также ряд *архитектурных и градovedческих исследований*, посвященных проблемам осмысления пространства и культурных ландшафтов – как прошлого, так и настоящего⁷⁸. Так, исследование метафизики Петербурга⁷⁹ позволяет говорить о создании основ для развития образно-географического краеведения и градovedения.

⁷⁴ Там же. С. 49–50, 57–58.

⁷⁵ Там же. С. 75–82, 224–225.

⁷⁶ Там же. С. 292–293.

⁷⁷ Там же. С. 324, ср. также: С. 380 (пример описания реки Тигр).

⁷⁸ *Линч К.* Образ города. – М.: Стройиздат, 1982; *Глазычев В. Л.* Социально-экологическая интерпретация городской среды. М.: Наука, 1984; *Габричевский А. Г.* Пространство и время. Фрагмент из опытов по онтологии искусства // Вопросы философии. 1994. № 3; *Каганов Г. З.* Санкт-Петербург как образ Всемирной истории (к проблеме псевдонимов города) // Город как социокультурное явление исторического процесса. М.: Наука, 1995. С. 303–315; *Каганов Г. З.* Город в картине и «на самом деле» // Город и искусство: субъекты социокультурного диалога / Сост. Т. В. Степугина. М.: Наука, 1996. С. 197–210; *Он же.* Город как личное переживание // Искусствознание. 1999. № 2. С. 209–242; *Он же.* Городская среда: преемство и наследование // Человек. 2000. № 4. С. 49–63.

⁷⁹ *Стивак Д. Л.* Северная столица: Метафизика Петербурга. СПб.: Тема, 1998.

Образы географического пространства и метафизика Петербурга. Метафизика Петербурга – тема, которая разрабатывается около 200 лет; тема, которая дала шедевры русской литературы – Пушкина, Достоевского, Блока и других. Известные книги Н. П. Анциферова⁸⁰, казалось бы, подвели временную черту под последующими попытками осмыслить этот феномен в историософском или культурософском плане. В 1990-х гг. был составлен новый сборник «Метафизика Петербурга» (1993)⁸¹. Петербург, осмысляемый прежде всего в геософском и образно-географическом планах, по-прежнему выступает катализатором новых географических (геокультурных) образов. Так, геокультурные и геоисторические образы Петербурга увязаны Д. Л. Спиваком в три метафизических «узла» – «Финская почва», «Шведские корни» и «Греческая вера»⁸². Автор движется по исторической и историософской спирали, анализируя, как множатся, расширяются, обогащаются все новыми и новыми мифологиями образы Петербурга. Языческая финская почва первоначальной территории Петербурга пропитывается шведской топонимикой, а уже на нее накладываются и локализуются православные и российско-имперские образы. В этой связи и сама смена названий великого города выглядит обоснованной и вполне логичной.

Метафизическое краеведение не может быть «приземленным». Оно требует активного создания и мелких, дробных, фрагментарных географических образов, опирающихся на физико– и культурно-географические реалии⁸³. Уместнее говорить даже о топографических образах. Петербургские реалии, их мифологическая аура формируют плотное образно-географическое поле северной столицы, но и оно, в свою очередь, воздействует на восприятие этих реалий, а иногда и их изменения. Образно-географическое положение Петербурга втягивает в себя и Стокгольм, и Новгород, и Москву. Характерные для «призрачного города» символы: его туманы и белые ночи, освященные литературными реминисценциями, – отнюдь не только и не столько свидетельство его физико-географического положения. Образ изменяет географию. Географический образ Петербурга является, вполне очевидно, ядерным для понимания образно-географического поля России.

Северная столица – крайне удачный и емкий географический образ. Ведь Петербург на самом деле есть средоточие, созвездие, пересечение многих и многих образов – Венеции, Константинополя, Рима, Киева, Лондона – не говоря уж о «навязшем в зубы» метафизическом противостоянии с Москвой⁸⁴. Как «северная столица», образ Петербурга стягивает более «южные», но также плотно метафизически насыщенные образы, но и сам он, по сути, становится более южным, более «теплым». Метафизика Петербурга коренится в «физике» Черного моря и Средиземноморья (недаром ведь Петр I двинулся сначала к Черному морю, и не добившись серьезного успеха, повернул к Балтике). Это теплый и уютный мир Средиземноморья (по Фернану Броделю) в конкретной точке Балтики.

1.2.4. Изучение образов стран и границ в гуманитарных науках

Большое значение для становления методологических подходов к изучению образа в географии имеют работы в смежных научных областях, посвященные образам различных стран и регионов. Здесь следует выделить прежде всего труды в области *межкультурной (кросс-куль-*

⁸⁰ Анциферов Н. П. Душа Петербурга. Петербург Достоевского. Быль и миф Петербурга. Репринт. М.: Книга, 1991.

⁸¹ Метафизика Петербурга (Петербургские чтения по теории, истории и философии культуры. Вып. 1). СПб.: ФКИЦ «Эйдос», 1993.

⁸² Спивак Д. Л. Указ. соч.

⁸³ См., например: Марков Б. В. «Сайгон» и «Слоны» – институты эмансипации // Метафизика Петербурга (Петербургские чтения по теории, истории и философии культуры. Вып. 1). СПб.: ФКИЦ «Эйдос», 1993. С. 130–146.

⁸⁴ Каганов Г. З. Санкт-Петербург как образ Всемирной истории (к проблеме псевдонимов города) // Город как социокультурное явление исторического процесса...; Каганов Г. З. Санкт-Петербург: образы пространства...

турной) коммуникации, изучающие закономерности и структуры индивидуальных и коллективных представлений разных народов о друг друге и о других странах⁸⁵. Особенность этих работ – концентрация внимания на двух-трех образах, достаточно устойчиво характеризующих те или иные страну и народ в определенную эпоху и становящихся надежной меткой, их точными координатами в культурном и ментально-географическом пространстве. Важное значение имеют также исследования образов стран и ландшафтов в *литературоведении, культурологии*⁸⁶, *искусствознании*⁸⁷ (Раушенбах, 2001), в которых на примерах литературных, живописных, графических произведений рассматриваются внутренние структуры и механизмы создания пространственных образов в культуре.

В более широком контексте именно *образ географической границы* представляется как наиболее универсальный и емкий. Но подобное представление возможно лишь в ситуации, когда структуры самого географического пространства мыслятся не в традиционных *бинарных оппозициях* (центр / периферия), пусть даже с выделением полупериферии (И. Валлерстайн), а как *ризоматические*, которые делают само пространство (а, следовательно, и его образы) потенциально безграничным⁸⁸. Идея «*scarto*» («*сдвига*») итальянских исследователей К. Гинзбурга и Э. Кастельнуово позволяет рассматривать приграничные территории как своего рода «*двойные периферии*» и места зарождения уникального опыта⁸⁹. Алешандро Мело утверждает, что «... граница – это и есть единый критерий для всех идентичностей современного мира, пребывающего в состоянии постоянного становления...»⁹⁰. Всякое пространство, по сути, погранично, и находится между различными пространствами, временами и представлениями. Мело дал и образ подобного пространства – *трансокеанский перекресток* (там же).

Характерно, что граница (в том числе и географическая – между ландшафтом и не-ландшафтом) стала одной из ключевых проблем в теории скульптуры и архитектуры⁹¹. Эти пространственные искусства столкнулись фактически с *проблемой географического пространства, которое окружает само скульптурное или архитектурное произведение*. Постмодернизм в скульптурно-архитектурной трактовке проявился в феномене *утраты места*: скульптура становилась не-ландшафтной, скульптурный минимализм был ориентирован на

⁸⁵ Россия и Запад: метаморфозы восприятия. М.: Наука, 1993; Россия и Запад: диалог культур. М., 1994; Образ России (Россия и русские в восприятии Запада и Востока). СПб., 1998 (Приложение к альманаху «Канун»); Павловская А. В. Россия и Америка. Проблемы общения культур. Россия глазами американцев, 1850—1880-е годы. М.: Изд-во МГУ, 1998; Сопленков С. В. Дорога в Арзрум: российская общественная мысль о Востоке (первая половина XIX века). М.: Издат. фирма «Восточная литература» РАН, 2000; Почепцов Г. Г. Имиджология. М.: Рефл-бук, К.: Ваклер, 2000; Пограничные культуры между Востоком и Западом: Россия и Испания. СПб., 2001 (Приложение к альманаху «Канун») и др.

⁸⁶ Эшштейн М. Н. «Природа, мир, тайник вселенной...»: Система пейзажных образов в русской поэзии. М.: Высшая школа, 1990; Гачев Г. Д. Образы Индии (Опыт экзистенциальной культурологии). М.: Наука; Изд-дат. фирма «Восточная литература», 1993; Он же. Национальные образы мира. Космо-Психо-Логос. М.: Издат. группа «Прогресс» – «Культура», 1995; Он же. Национальные образы мира. Евразия – космос кочевника, земледельца и горца. М.: Институт ДИ-ДИК, 1999; Русская провинция: миф – текст – реальность / Сост. А. Ф. Белоусов и Т. В. Цивьян. М.; СПб.: Лань, 2000; Ямпольский М. Б. Наблюдатель. Очерки истории видения. М.: Ad marginem, 2000; Он же. О близком (Очерки немиметического зрения). М.: Новое литературное обозрение, 2001.

⁸⁷ Мочалов Л. В. Пространство мира и пространство картины. Очерки о языке живописи. М.: Советский художник, 1983; Михайлов А. В. Пространство и ландшафт Каспара Давида Фридриха // Культурология. XX век. Духовная встреча. Проблемно-тематический сборник. М.: ИНИОН РАН, 1997. С. 135–186; Постелов Г. Полнощный и полуденный края в мироощущении пушкинской эпохи // Искусствознание. 1999. № 2. С. 290–298; Турчин В. Судьба пейзажа моралистического, дидактического и символического в эпоху пленэра // Искусствознание. 1999. № 2. С. 242–275; Егорова К. С. Пейзаж в нидерландской живописи XV века. М.: «Искусство», 1999; Органика. Беспредметный мир природы в русском авангарде XX века. М.: РА, 2000.

⁸⁸ См. также соображения Умберто Эко о метафизике детектива: Эко У. Имя Розы: Заметки на полях «Имени розы». СПб., 1997. С. 629.

⁸⁹ Мело Алешандро. Трансокеанский экспресс // Художественный журнал. 1997. № 16. С. 12.

⁹⁰ Там же. С. 13.

⁹¹ Краусс Розалинд. Скульптура в расширенном поле // Художественный журнал. 1997. № 16; Асс Евгений. После пространства. Фрагменты протоколов архитектурных испытаний // Там же.

маркировку собственно ландшафта и не-ландшафта, архитектура осмыслила себя как часть пост-пространственной эпохи⁹². «Исчезновение» традиционного географического пространства как фона или декорации, его активное вторжение как равноправного «соавтора» в произведение заставили осознать его как прежде всего и важнее всего *движущуюся, динамичную границу*, которая постоянно меняет условия соприкосновения и взаимодействия различных сред. Скульптурное или архитектурное произведение «пост-пространственной» культуры необходимо должно восприниматься как путешествующее, передвигающееся, пограничное – как своего рода *воплощенный и материализованный географический образ*.

1.2.5. Исследования образов пространства в геополитике, региональной политологии и социологии. Региональная идентичность

Достаточно мощные образы различных регионов, стран и континентов создаются в *геополитике, региональной политологии и социологии*. Особенность этих исследований – работа с так называемыми «большими пространствами», что позволяет расширить привычные контексты восприятия тех или иных регионов, включить их образы в более крупные образные системы. В этом плане с географической точки зрения наиболее интересны труды по регионализму, культурно-исторической и цивилизационной геополитике⁹³, территориальной и национальной идентичности⁹⁴.

Региональная идентичность. Географический образ и региональная идентичность – очень близкие понятия. Если в понятии географического образа акцент делается на создание некоей синтетической конструкции, которая должна максимально ярко и экономно представить регион или страну, то во втором понятии главное – это обнаружить прочные и тесные связи, укореняющие местные сообщества и отдельных людей, показать процедуры самоидентификации, в которых образ региона может представлять как образы людей, населяющих и осваивающих эту территорию. *Общее в обоих случаях – внимание к географическому пространству, выступающему в роли желанного, полностью недостижимого и все же вполне реального эквивалента различных социальных и культурных грез*. Региональная идентичность сказывается в существовании выпуклых и устойчивых образно-географических композиций, а хорошо освоенное пространство идентифицируется как система региональных и оригинальных образов.

Англо-американская гуманитарная география сравнительно давно начала осваивать тему региональной идентичности: еще в 1930-х гг. развитие регионализма в США привело к многочисленным исследованиям, анализирующим образы отдельных регионов. Еще более плотно осмыслено культурно-географическое пространство Великобритании, в исследовании которого упор делается на образы территорий в литературном контексте. Остановимся здесь, в качестве примера, на образах Новой Англии и Запада США.

Новая Англия – родина всех американских грез и мечтаний⁹⁵. Первоначально ее образ был чопорен и мало отличался от утопического христианского «Града на холме». Суровый и аскетичный протестантизм осмыслял wilderness нового континента как Богом данную землю, которую добросовестный христианин должен заселить и освоить во славу Божью. Это был кусочек старой доброй Англии, который быстро таял по мере вrastания колонистов в новую и

⁹² Там же.

⁹³ Страда В. Хронотоп России // Новая Юность. 1997. № 5–6 (26–27); Цымбурский В. Л. Россия – Земля за Великим Лимитрофом: цивилизация и ее геополитика. М.: Эдиториал УРСС, 2000.

⁹⁴ Geography and National Identity / Hooson D. (Ed.). Oxford, Cambridge (Mass.): Blackwell, 1994.

⁹⁵ Conforti J. A. Imagining New England: Explorations of Regional Identity from the Pilgrims to the Mid-Twentieth Century. Chapel Hill and London: The University of North Carolina Press, 2001.

совсем не похожую на прежнюю жизнь вооруженного поселенца, сражающегося с индейцами на бесконечно удаляющемся фронтире. **Новая Англия дала мощный образный импульс всей Северной Америке, стала тем образцом, который использовался как культурный ресурс при освоении новых территорий на западе США.** Белый, протестант, по происхождению из Англии – вот идеал, господствовавший по всей Америке три века, и вышедший по преимуществу из Новой Англии. «Настоящими США» были именно штаты Новой Англии: Коннектикут, Массачусетс и т. д.

*Несомненна роль Новой Англии в становлении США: национальная идентичность в период Ранней Республики «ковалась» именно на Северо-Востоке, и в первой половине XIX в. этот регион осмыслялся как именно Великая Новая Англия – корни подобного величия находились, конечно, в колониальной эпохе. Быстрое и энергичное освоение Запада и Юго-Запада США во второй половине XIX столетия привело к социально-экономическому упадку Новой Англии; параллельно изменился и ее образ – она стала Старой Новой Англией, сельской страной, ностальгирующей по былым временам. Здесь, как никогда вовремя, пригодился величественный образ великого поэта Роберта Фроста – истинного жителя новоанглийской глубинки, творящего поэтические шедевры «к северу от Бостона»⁹⁶. Первая половина XX в. дала Новой Англии образ Северной страны – весьма необычного образа для стремительно «поюжневших» в целом США. Символом такого «северного» культа стало издание блестящего регионального журнала – *Yankee Magazine* (расцвет пришелся на 1914–1940 гг.), – благодаря которому Новая Англия обрела, наконец, свои новые устойчивые визуальные символы. Сельский труженик с изборожденным трудовыми морщинами лицом, лесные заснеженные ландшафты с катающимися на санках детьми, заповедные дали и уютное колониальное прошлое старых усадеб и городков – эти образы определили место Новой Англии в образном пространстве Америки.*

Не в пример Новой Англии, гораздо более «раскрученной» оказывается мифология Запада США⁹⁷. Она основана именно на мифмейкерах – порой кричащих и четко запоминающихся персонах, величие которых иногда сомнительно, но их роль в образе Запада очевидна. Джон Форд, Джон Уэйн, Клинт Иствуд, Роберт Редфорд, Кевин Костнер – актеры, прославившиеся в классических вестернах; политика и литература обеспечила Западу имена Вашингтона Ирвинга, Марка Твена, Теодора Рузвельта и Джона Стейнбека. Не меньше имен представлено по разделу музыки (*sweet music*), включая Бадди Холли и Джона Денвера. Обратим внимание и на сетевую мифологию Запада, сформированную народными легендами, мормонами, *Arizona Highways (The Transcendent Landscape)* и знаменитой *Route 66*. Образ Запада целиком принадлежит именно XX веку, хотя живопись, фотография, литература, кино явно эксплуатируют образ дикого индейско-ковбойского, порой лунного в своих нечеловеческих масштабах ландшафта, уходящего корнями в век XIX, где рядом Сидящий Бык и Баффало Билл (*Sitting Bull and Buffalo Bill*). *В сравнении с образом Новой Англии образ Запада более структурирен, более явен и вызывающ, но и более примитивен: у него нет еще той длительной содержательной динамики, которая позволяет образу приобрести своего рода надежность, устойчивость к каким-либо образным «интервенциям».*

Итак, как формируются механизмы региональной идентичности, иначе: где взять, найти специфические географические образы, которые будут репрезентировать конкретные место, ландшафт, пространство? По всей видимости, каждый раз, когда место желанно и недостижимо, или оно достигнуто, но пока не осмысленно, ментальные пространства как бы растягиваются, трансформируются, давая место образам-эмбрионам (протообразам). А далее личный контекст: образный, географический, биографический – дает образам необходимый потенциал роста и развития. **В соотношении с понятием региональной идентичности географический**

⁹⁶ Так называется одна из известных поэтических книг Фроста.

⁹⁷ *Murray J. A. Mythmakers of the West: Shaping America's Imagination. Northland Publishing, 2001.*

образ – это пространство, ставшее максимально внутренним. Использование понятия региональной идентичности позволяет более эффективно изучать вопросы взаимодействия географических образов регионов и политической культуры общества; это, своего рода, концептуальный (когнитивный) «мостик» между указанными научно-прикладными областями.

Обобщая результаты исследований образов географического пространства в гуманитарных науках с точки зрения образно-географического подхода, отметим: 1) данные исследования представляют большой интерес для географов в силу нестандартных и непривычных пока для большинства географических наук методов и подходов к изучению этой проблемы, 2) гуманитарная география может создать общее концептуальное методологическое поле для обобщения и дальнейшего эффективного научного использования достижений и результатов гуманитарных наук в исследованиях образов географического пространства. Это возможно в силу центральности идеи и принципа пространственности для гуманитарной географии. Органичность такой идеи для гуманитарной географии позволяет эффективно концентрировать междисциплинарные образно-пространственные исследования и переходить к дальнейшему синтезу на уровнях методологии, теории и практики изучения географических образов.

1.3. Традиционные направления изучения понятия образа в гуманитарной географии

1.3.1. Методологические традиции исследования понятия образа в географии

Методологические предпосылки для изучения образа в географии начали складываться в середине – второй половине XIX в. Их возникновение связано со становлением хорологической концепции в географии – прежде всего в трудах выдающегося немецкого географа Карла Риттера. В рамках хорологической концепции исследование пространственных закономерностей развития природы и общества стало главной задачей географии. Такая постановка задачи опиралась на введение в методологический и теоретический арсенал географической науки новых категорий и понятий, с помощью которых можно было эффективно исследовать географическое пространство – таких, например, как рельеф и ландшафт. Основная методологическая инновация заключалась в том, что география в результате хорологического переворота как бы дистанцировалась от собственного предмета и объекта исследования; Земля стала прежде всего земным пространством, а новые понятия и категории, по своей сути, также стали пространственными, т. е. непосредственно учитывающими особенности предмета исследования, к которому они применялись. Эти понятия обеспечивали дистанцирование, процедуры отдаления от предмета исследования, что позволяло непосредственно изучать именно пространственные закономерности⁹⁸.

Культура географических и путевых описаний. Развитию географии в рамках хорологической концепции способствовала также хорошо сложившаяся и развившаяся к середине XIX в. в Европе, Америке и в России культура географических и путевых описаний. Ее развитие связано как с традициями академических естественнонаучных описаний различных стран и регионов мира, так и с традициями художественных описаний, зарисовок, путевых очерков и дневников. Характерно, что эти две ведущие традиции в XVIII–XIX вв. в значительной степени переплетались, и мы часто находим блестящие по своей художественной силе фрагменты у академических ученых (Паллас, Миддендорф, Пржевальский, Грум-Гржимайло)⁹⁹, а интересные научные наблюдения – у писателей и очеркистов (Боткин, Аксаков, Гончаров, Чехов и др.)¹⁰⁰.

Географическое страноведение. Во второй половине XIX в. начинается мощное содержательное и концептуальное развитие географического страноведения, которое стало ядром географической науки в целом¹⁰¹. В географическом страноведении использование географических образов оказалось более эффективным, а само понятие географического образа – более определенным и более структурированным. Описание и характеристика пейзажа в работах французской школы географии человека¹⁰² – это прямое выделение и структурирование

⁹⁸ См.: Замятин Д. Н. Методологический анализ хорологической концепции в географии // Известия РАН. Серия географическая. 1999. № 5. С. 7–16.

⁹⁹ См., например: Паллас П. С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793–1794 годах / Пер. с нем.; Отв. ред. Б. В. Левшин; Сост. Н. К. Ткачева. М.: Наука, 1999.

¹⁰⁰ См., например, классические очерки А. П. Чехова: Чехов А. П. Из Сибири // Чехов А. П. Полн. собр. соч.: В 30 т. Соч.: В 18 т. Т. 14–15. М.: Наука, 1987. С. 5–39; Он же. Остров Сахалин (Из путевых записок) // Чехов А. П. Полн. собр. соч.: В 30 т. Соч.: В 18 т. Т. 14–15. М.: Наука, 1987. С. 39–373.

¹⁰¹ Абрамов Л. С. Описания природы нашей страны. М.: Мысль, 1972.

¹⁰² См.: Витвер И. А. Французская школа географии человека // Витвер И. А. Избранные сочинения / Под ред. В. В. Вольского и А. Е. Слуки. М.: Изд-во МГУ, 1998. С. 513–546.

географических образов местностей, регионов и стран. В контексте страноведческих работ данного периода понятие пейзажа или ландшафта является инвариантом географического образа, а сам географический образ становится непосредственным методологическим и теоретическим «инструментом» исследования в географической науке. Смысл пейзажного, равно образно-географического исследования заключается в выявлении и использовании наиболее ярких, запоминающихся черт, знаков, символов определенной местности, района, страны.

В первой трети XX в. в отечественной и зарубежной географии сформировались новые научные области, в которых образный подход к изучению географического пространства воспринимался как один из основных. В этот период возникают антропогеография, культурная география и культурное ландшафтоведение; начинает интенсивно развиваться география искусства. Характерно, что все эти новые научные области имели тесные концептуальные связи с традиционным географическим страноведением и зачастую развивались первоначально внутри отдельных страноведческих характеристик¹⁰³. В России наиболее ярким представителем антропогеографии был В. П. Семенов-Тянь-Шанский.

В середине и второй половине XX в. в географической науке происходит очень важный переход в осмыслении методологической значимости понятия географического образа. В тех или иных вариантах, оно стало также использоваться различными отраслями и направлениями физической и социально-экономической географии. Быстрое содержательное расслоение и дисциплинарная дифференциация географической науки позволили провести параллельные процедуры методологической адаптации этого понятия сразу в нескольких областях географии.

1.3.2. Методологическая адаптация понятия географического образа в сфере гуманитарной географии

В сфере гуманитарной географии это, безусловно, были география населения, особенно география городов¹⁰⁴, социальная география в широком смысле¹⁰⁵, поведенческая география¹⁰⁶, география культуры и культурная география¹⁰⁷, политическая география и геополитика¹⁰⁸, географическая глобалистика¹⁰⁹, в последнее время также и когнитивная география¹¹⁰.

¹⁰³ См.: *Туровский Р. Ф.* Культурная география: теоретические основания и пути развития // Культурная география / Науч. ред. Ю. А. Веденин, Р. Ф. Туровский. М.: Ин-т наследия, 2001. С. 10–94.

¹⁰⁴ *Lanno G. M.* География городов: Учебное пособие для геогр. ф-тов вузов. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1997; *Hudson R., Pocock D.* Images of the urban environment. L., 1978; *Imperial Cities: Landscape, Display and Identity / Driver F., Gilbert D.* (Eds.). Manchester: Manchester University Press, 1999.

¹⁰⁵ *Джонстон Р. Дж.* География и географы. Очерк развития англо-американской социальной географии после 1945 года. М.: Прогресс, 1987; *Верлен Б.* Общество, действие и пространство. Альтернативная социальная география // Социологическое обозрение. 2001. Т. 1. № 2. С. 25–46; *Soja E. W.* Postmodern Geographies: The Reassertion of Space in Critical Social Theory. London: Verso, 1990; *Lefebvre H.* The Production of Space. Oxford: Blackwell, 1991 и др.

¹⁰⁶ *Голд Дж.* Психология и география: основы поведенческой географии. Пер. с англ. / Авт. предисл. С. В. Федулов. М.: Прогресс, 1990; *Driver F.* Visualizing geography: A journey to the heart of the discipline // Progress in Human Geography. 1995. № 19. P. 123–134; *Castree N.* Commodity fetishism, geographical imaginations & imaginative geographies // Environment and Planning A. 2001. Vol. 33. P. 1519–1525; *Crouch D.* Spatialities & the Feeling of Doing // Social & Cultural Geography. 2001. Vol. 2. No. 1. P. 61–73; *Hetherington K.* Spatial textures: place, touch and praesentia // Environment and Planning A. 2003. Vol. 35. P. 1933–1944.

¹⁰⁷ *Веденин Ю. А.* Очерки по географии искусства. СПб.: Дмитрий Буланин, 1997; *Перцик Е. Н.* География и искусство // Экономическая и социальная география на пороге XXI в. Смоленск: Изд-во СГУ, 1997. С. 109–125; *Лавренова О. А.* Географическое пространство в русской поэзии XVIII – начала XX вв. (геокультурный аспект) / Науч. ред. Ю. А. Веденин. М.: Ин-т наследия, 1998; *Tuan Yi-Fu.* Humanistic geography // Annals of the Association of American Geographers. – 1976. Vol. 66. № 2. P. 266–276; *Idem.* Literature and geography: implications for geographical research // Humanistic geography: prospects and problems. Chicago, 1978. P. 194–206; *Cosgrove D. E.* Social formation and symbolic landscape. London and Sydney, 1984; *Idem.* Models, descriptions and imagination in geography // Remodelling geography / Ed. MacMillan B. Oxford: Blackwell, 1989. P. 230–244.

¹⁰⁸ *Замятин Д. Н.* Моделирование геополитических ситуаций (на примере Центральной Азии во второй половине XIX в.) // Политические исследования. 1998. № 2. С. 64–77. № 3. С. 133–147; *Он же.* Политико-географические образы и гео-

Интенсивное наращивание методического аппарата образно-географических исследований позволяет говорить о достаточно эффективном использовании понятия географического образа в экономической географии.

Культурная география. Наиболее интенсивные модификации и собственно моделирование географических образов характерны для *культурной географии*, особенно для исследований *культурных ландшафтов*¹¹¹. Определенный уровень и своеобразие самой культуры выступают неперенным условием качества создаваемого синтетического образа культурного ландшафта страны, района или местности, но и сами вновь созданные географические образы как бы пронизывают определенную культуру, придают ей неповторимость и уникальность¹¹². Сами культуры и их пространственные отношения как бы разыгрывают на поверхности Земли человеческую историю (или истории), а осмысленность географического пространства предполагает и осмысленное будущее¹¹³. В контексте понимания культурной географии как *метафизики территории (пространства)*¹¹⁴ осмысленность конкретного географического пространства, его «окультуренность» непосредственно проявляется в количестве и качестве географических образов, которые как бы представляют и выражают это *пространство в культуре*.

Коллективная монография ученых из Института культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева «Культурная география»¹¹⁵ отражает отечественные представления об особенностях и закономерностях развития культурной географии, а также ее основных направлениях. В статье Р. Ф. Туровского «Культурная география: теоретические основания и пути разви-

политические картины мира (Представление географических знаний в моделях политического мышления) // Политические исследования. 1998. № 6. С. 80–92; *Он же*. Географические образы регионов и политическая культура общества // Региональное самосознание как фактор формирования политической культуры в России. М.: МОНФ, 1999. С. 116–125; *Он же*. Национальные интересы как система «упакованных» политико-географических образов // Политические исследования. 2000. № 1. С. 78–81; Геополитическое положение России: Представления и реальность / Под ред. В. А. Колосова. М.: Арт-Курьер, 2000.

¹⁰⁹ *Литец Ю. Г.* География мирового развития – синтез проблемного страноведения, геоглобалистики и географии мирового хозяйства // Известия РАН. Серия географическая. 1998. № 5. С. 110–121; *Замятин Д. Н.* Географические образы мирового развития // Общественные науки и современность. 2001. № 1. С. 125–138.

¹¹⁰ Понятие когнитивной географии введено в российский научно-исследовательский дискурс Н. Ю. Замятиной, ею же развивается концепция когнитивной географии (см.: *Замятина Н. Ю.* Когнитивно-географическое положение региона как фактор регионального развития: методологические аспекты // Новые факторы регионального развития. М.: ИГ РАН, 1999. С. 86–97; *Она же*. Когнитивная география // География. 1999. № 44. С. 16; *Она же*. Когнитивно-географическое изучение региональных политических процессов // Образы власти в политической культуре России / Под ред. Е. Б. Шестопал. М.: Московский общественный научный фонд, 2000. С. 74–95.) За рубежом концепция когнитивной географии развивается преимущественно в США, при этом понятие когнитивной географии трактуется уже. Как отдельное направление в рамках когнитивной географии рассматривается т. н. «наивная география», связанная с репрезентацией геоизображений, в основном в рамках ГИС (геоинформационных систем). См.: *Kosslyn S., Ball T., Reiser B.* Visual Images Preserve Metric Spatial Information: Evidence from Studies of Image Scanning // *Journal of Experimental Psychology: Human Perception and Performance*. 1978. № 4. P. 47–60; *Kuipers B.* Modeling Spatial Knowledge // *Cognitive Science*. 1978. № 2. P. 129–153. *Talmy L.* How Language Structures Space // *Pick H. and Acredolo L. (Eds.). Spatial Orientation: Theory, Research, and Application*. New York: Plenum Press, 1983. P. 225–282; *Language in geographical context / Williams C. H. (Eds.). Clevedon, UK, 1988; Egenhofer M., Franzosa R.* Point-Set Spatial Topological Relations // *International Journal of Geographical Information Systems*. 1991. № 5 (2). P. 161–174; *Waddington M.* Naive Geography // *Queen's Quarterly*. 1993. № 100(1). P. 149 и др.

¹¹¹ См.: *Новиков А. В.* Культурная география как интерпретация территории // Вопросы экономической и политической географии зарубежных стран. Вып. 13. Проблемы общественной географии. М., 1993; *Родоман Б. Б.* Территориальные ареалы и сети. Очерки теоретической географии. Смоленск: Ойкумена, 1999; *Каганский В.* Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. М.: Новое литературное обозрение, 2001; *Jordan T. G., Domosh M., Rowntree L.* The Human Mosaic: A Thematic Introduction to Cultural Geography. Sixth Edition. New York: Harper Collins College Publishers, 1994; *Jackson J. B.* Landscape in Sight: Looking at America / Ed. by H. L. Horowitz. New Haven and London: Yale University Press, 1997; *Cultural Turns/ Geographical Turns. Perspectives of Cultural Geography / Ed. by S. Naylor, J. Ryan, I. Cook and D. Crouch*. New York: Prentice Hall, 2000 и др.

¹¹² *Новиков А. В.* Указ. соч. С. 84–85.

¹¹³ Там же. С. 89.

¹¹⁴ См.: там же. С. 90.

¹¹⁵ Культурная география / Науч. ред. Ю. А. Веденин, Р. Ф. Туровский. М.: Ин-т наследия, 2001.

тия»¹¹⁶ разработана строгая классификация культурно-географических направлений и дана их подробная характеристика. Это исследование отличается логической стройностью, обоснованностью взглядов автора. В работе О. А. Лавреновой «Новые направления в культурной географии: семантика географического пространства, сакральная и эстетическая география»¹¹⁷ детально исследованы пограничные области этой дисциплины, активно взаимодействующие с семиотикой, филологией и религиоведением. Статья М. П. Крылова «Структурный анализ российского пространства: культурные регионы и местное самосознание»¹¹⁸ показывает специфику развития российского регионализма и процессов формирования региональной идентичности.

Интересное исследование с точки зрения понимания основных образно-географических трендов в культурной географии опубликовано в рамках серии «Создание североамериканского ландшафта» в сотрудничестве с Центром американских мест¹¹⁹. Среди уже выпущенных в этой серии – книги «Горный Запад: интерпретация народного ландшафта», «Новоанглийская деревня», «Принадлежащее Западу», «Юг хлопковых плантаций во время Гражданской войны» и другие. Выделяемый нами монографический сборник посвящен территориям США, на которых сформировались ключевые североамериканские этнокультурные общности: янки, амиши, креолы, мормоны, навахо и т. д. Привлекает подход авторов к выделению границ этих территорий: ряд выделяемых ими этнокультурных границ базируется на региональных мифологиях, слабоуловимых культурных традициях, косвенном анализе результатов политических выборов. Сам процесс выделения таких коренных территорий состоит в поиске «решающего» географического образа, позволяющего, так или иначе, провести требуемые границы.

«Формовка» и как бы затвердевание новых, продуктивных и ярких географических образов ускоренными темпами протекает на границах различных культур, в тех пограничных, *фронтирных зонах*, в которых происходит наложение, эклектическое смешение и в то же время обострение традиционного *взаимокультурного интереса*¹²⁰. Как результат подобного пограничного образно-географического «приключения» выглядит, например, «Московский дневник» Вальтера Беньямина. Образ Москвы Беньямина, классического западноевропейского левого интеллектуала 1920-х годов, естественно, стремится, от противного, предстать в глазах заинтересованного читателя вполне азиатским, «*оазиатиться*» – оттолкнувшись от западноевропейских реалий того времени. Но это удастся не полностью: чисто европейский генезис тех культурных реалий, которые обостренно переживаются и переосмысляются Беньямином в советской столице, делает образ Москвы в его трактовке неоднородным, неустойчивым и все же очень терпким, запоминающимся. Узкие тротуары, которые придают Москве облик импровизированной метрополии; пространство московской зимы, которое изменяется от того, теплое оно или холодное; Москва как «архитектурная прерия» и собственное предместье; постоянное ощущение открытости русской равнины внутри города; деревенская бесформенность огромных московских площадей – все эти локальные географические образы формируют на удивление связную и подробную *образно-географическую картину* – на стыке различных пространств, культур и времен¹²¹. Создание столь ярких образов возможно как часть механизма культурной самоидентификации, но сама культура при этом должна быть динамичной и даже агрессивной, в том числе и географически.

¹¹⁶ Там же. С. 10–95.

¹¹⁷ Там же. С. 95–127.

¹¹⁸ Там же. С. 143–172.

¹¹⁹ Homelands: A Geography of Culture and Place across America / Ed. by R. L. Nostrand and L. E. Estaville. Baltimore and London: Johns Hopkins University Press, 2001.

¹²⁰ Ср.: Пограничные культуры между Востоком и Западом (Россия и Испания) / Сост. В. Е. Багно. СПб., 2001. (Приложение к альманаху «Канун»).

¹²¹ Беньямин В. Московский дневник. М., 1997. С. 45, 51, 71, 100, 147, 159.

Классический американский фронт – пример культурно-географической экспансии, которая породила живучий и крайне динамичный географический образ. Уникальное соединение географических, культурных, социальных, исторических координат создало «горючую смесь» – своеобразный образно-географический «чернозем». «...фронт – воображаемый географический рубеж и генетический виток возобновляемого социального развития. Линия и виток. Запад – общее направление, равнодействующая движущихся сил, их вектор и при этом место. Направление и место. Линия, закручивающаяся в спираль, путь, становящийся участком. И наоборот. Но что это за переливы геометрии и географии, переходы одной в другую и обратно, что за странное мерцание их оживших элементов, утративших статичность и покой?»¹²². Фронт, по сути, некое ментальное пространство, усвоившее и вобравшее в себя черты пространства географического, реального и ставшее динамичным местом мысли, географией самой мысли. Ему присуща особая топология, которая требует и своего собственного, ментально-географического картографирования¹²³. Неслучайно, географические пространства, которые стали предметом интенсивной историко– или политико-культурной рефлексии (саморефлексии), становятся одновременно и местами своеобразного *картографического культа*. «На улице, в снегу, пачками лежат карты СССР, которые торговцы предлагают прохожим. Мейерхольд использует карту в спектакле «Даешь Европу» – Запад изображен на ней как сложная система маленьких полуостровов, относящихся к России. Географическая карта так же близка к тому, чтобы стать центром нового русского визуального культа, как и портрет Ленина...»¹²⁴ Американский президент Франклин Рузвельт в 1942 году, в решающий момент второй мировой войны, произнес «Речь о географической карте», картографические отделы книжных магазинов опустели и крупномасштабные карты стали предметом неподдельного интереса миллионов американцев. Реальная географическая карта, таким образом, может выступать как самый эффективный культурно-географический или политико-географический образ, который представит «квинтэссенцию» континента, страны или района, даже если сама она запечатлела совсем другие территории. Великий географический образ (каким можно, например, считать образ фронта) спонтанно разворачивает свои географические карты и способствует порождению множества интерпретаций, которые и сами, по существу, являются пространственно-географическими¹²⁵.

Теоретическая география. Методологическое осмысление понятия географического образа происходило в середине и второй половине XX в. также в рамках развития теории самой географии. Следует сразу отметить, что теоретическая география активно соприкасалась здесь со страноведением, сравнительной географией и краеведением. Классические исследования образа места¹²⁶ и страны¹²⁷, формулирование содержательной значимости географических сравнений для формирования образа района¹²⁸ способствовали выявлению основных черт рационализации научной мысли с помощью географических образов. Вполне очевидным было также повышение эффективности географической мысли благодаря использованию образов.

¹²² Петровская Е. В. Часть света. М., 1995. С. 53.

¹²³ См.: Там же. С. 54.

¹²⁴ Беньямин В. Указ. соч. С. 75.

¹²⁵ См.: Петровская Е. В. Указ. соч. С. 60–64.

¹²⁶ Михайлов Н. Н. Образ места // Вопросы географии. Вып. 10. М.: Географиз, 1948. С. 193–199.

¹²⁷ Покишиевский В. В. Образ страны и образ жизни // Вопросы географии. Вып. 116. М.: Мысль, 1981. С. 50–60; Мироненко Н. С. Страноведение: традиции и проблемы развития // Вопросы экономической и политической географии зарубежных стран. Вып. 11. Советская экономическая география зарубежных стран: становление, современный уровень и перспективы (к 100-летию со дня рождения Ивана Александровича Витвера). М., 1990. С. 102–113; Маибиц Я. Г. Комплексное страноведение. Смоленск: Изд-во СГУ, 1998; Geography and National Identity / Hooson D. (Ed.). Oxford, Cambridge (Mass.): Blackwell, 1994; Hage G. The spatial imaginary of national practices: dwelling – domesticating/being – exterminating // Environment and Planning D: Society and Space. 1996. Vol. 14. P. 463–485.

¹²⁸ Баранский Н. Н. Избранные труды: Становление советской экономической географии. М.: Мысль, 1980.

В концептуальном отношении процессы районирования и районизации, как правило, четко разводятся между собой, при этом утверждается, что «районированием порождаются субъекты высказываний и объекты деятельности»¹²⁹. По сути дела, районирование – это уникальная субъект-объектная деятельность, не разрывающая, а как раз прочно соединяющая субъективные и объективные особенности функционирования территориальных структур общества. Следовательно, можно говорить о потенциальном существовании районов, а само пространство человека может трактоваться как «...плотное иерархическое полицентричное кружево»¹³⁰. Подобный, хорошо обоснованный и содержательный подход позволяет проводить интересные интерпретации многих современных политических, экономических и культурных процессов в мире – так, известная концепция «многополярного» мира, по мнению Б. Б. Родомана, есть не что иное, как «тривиальная узловая районизация»¹³¹. Районирование – не только центральное понятие теоретической географии, но и широкий географический образ, позволяющий «осваивать» пространство и время общества.

Закономерности и основные процедуры районирования могут обнаруживаться как путем обычных визуальных наблюдений, так и с помощью хорошо известных моделей и образов географических наук. Например, по состоянию растительности у дороги можно судить о расстоянии до поселения и его месте в территориальной иерархии; очень эффективны также аналогии, связанные с территориальностью животного мира¹³². Наиболее яркие и продуктивные образы – это геоморфологические образы, представляющие ряд процедур районирования как квази-геоморфологические процессы. Понятие и образ рельефа прекрасно «работает» при описании узловых и однородных районов, при этом возможно даже «овеществление» статистического рельефа узловых районов»¹³³. В результате подобного концептуального «насыщения» районирование становится во многом целенаправленной деятельностью по описанию, параметризации и размещению географических образов.

Рассмотрим более подробно современную методологическую ситуацию соотношения традиционного и образного страноведения в силу несомненной важности понимания особенностей развития научно-географического страноведения для изучения понятия образа в социально-экономической географии.

1.3.3. Традиционное страноведение и формирование образа страны

Современное научно-географическое страноведение в России испытало в 1990-х гг. своеобразный «ренессанс»¹³⁴. Обилие публикаций было связано с оживлением научного интереса к наиболее фундаментальной и в то же время наиболее «географичной» проблеме, довольно

¹²⁹ Родоман Б. Б. Территориальные ареалы и сети. Смоленск: Ойкумена, 1999. С. 14.

¹³⁰ Там же. С. 173.

¹³¹ Там же. С. 175.

¹³² Там же. С. 58, 109.

¹³³ Там же. С. 75, 125.

¹³⁴ См. наиболее важные публикации по этой тематике в отечественной географической литературе: *Дмитревский Ю. Д.* Роль проблемного страноведения в изучении и организации современного туризма // Проблемное страноведение и мировое развитие. Смоленск: Изд-во СГУ 1998. С. 42–57; *Каринский С. С.* География и искусство // Вестник МГУ. Сер. 5. География. 1990. № 2. С. 27–33; *Машибиц Я. Г.* Комплексное страноведение. Смоленск: Изд-во СГУ, 1998; *Он же.* Новые рубежи страноведения // Проблемное страноведение и мировое развитие. Смоленск: Изд-во СГУ, 1998. С. 13–23; *Пуляркин В. А.* Научное страноведение: быть или не быть – нет вопроса! // Географическое пространство: соотношение знания и незнания / Первые сократические чтения по географии / Отв. ред. Г. А. Приваловская. М.: Изд-во РОУ, 1993. С. 28–33; *Он же.* Дискуссионные вопросы современного научного страноведения // Проблемное страноведение и мировое развитие. Смоленск: Изд-во СГУ, 1998. С. 23–35; *Серебряный Л. Р.* Кризис современного страноведения и необходимость его преодоления // Там же. С. 35–42 и др.

сильно «притушенной» и потускневшей в советское время. Признание кризиса в современном страноведении (Л. Р. Серебрянный) соседствовало с практически полным единодушием в оценке роли и значимости страноведения для развития современной географии. Современные исследователи страноведения сделали попытку опереться на наследие классической географии и одновременно актуализировать значимость сравнительно-географического и образного метода в страноведении. Так, Я. Г. Машбиц указал на значимость классических работ В. П. Семенова-Тян-Шанского, рассматривавшего страноведение как один из высших этажей географии, и на необходимость использования в страноведческих характеристиках ярких компаративистских образов – например, Ливан как «Швейцария Ближнего Востока» или Чехия как «Сингапур Восточной Европы»¹³⁵. Проблематика образа страны оказалась явно на «передовых рубежах» современного страноведения. Это связано в первую очередь с тем, что понятие страны с трудом укладывается в точные географические границы; оно по своему генезису уже является образным. Так, В. А. Пуляркин считает, что страноведение явно нуждается в герменевтическом обосновании и ни в коей мере не сводимо к территории¹³⁶. Определение страноведения как синтетического этапа географического познания¹³⁷ переводит образное страноведение в центр географического интереса. Следует сразу же отметить, что этот интерес не является только географическим¹³⁸, так как внешние потребители страноведческой продукции могут быть заинтересованы в моделировании прикладных, специфически ориентированных образов каких-либо стран.

Классическая хронологическая концепция в географии, представленная прежде всего трудами немецкого географа Альфреда Геттнера¹³⁹, по своей сути является страноведческой, причем понимание страноведения в ней достаточно жестко связано с проблемой чувственного и теоретического познания географического пространства. Выделяемые А. Геттнером ограничения для чувственно-образного восприятия пространства в значительной степени важны для формирования образа страны. Так, временные границы, весьма раздвинутые при восприятии и изучении страны, определяют известную абстрактность, обобщенность и в то же время синтетический характер образа страны: «Кто внимательно наблюдает природу какой-нибудь страны, тот носит у себя в голове большое количество образов, составляющих в своей совокупности некоторое единство; только это единство и может интересовать географию»¹⁴⁰. Страноведение фактически решает, в интерпретации А. Геттнера, хронологические задачи в рамках всей географии¹⁴¹ и, следовательно, работа по формированию образов различных стран оказывается ядром содержательных географических исследований.

С точки зрения современной теоретической географии исследования образа страны вполне могут рассматриваться и как исследования виртуальных объектов¹⁴², существующих, очевидно, в некоем специфическом пространстве, в данном случае – анаморфированном географическом пространстве. Идея виртуального мира, определяемая как своего рода методологическая метафора¹⁴³, позволяет осознать автономность существования и развития образов

¹³⁵ Машбиц Я. Г. Комплексное страноведение. Смоленск: Изд-во СГУ, 1998. С. 34, 216.

¹³⁶ Пуляркин В. А. Дискуссионные вопросы современного научного страноведения // Проблемное страноведение и мировое развитие. Смоленск: Изд-во СГУ, 1998. С. 28–29.

¹³⁷ См.: Каринский С. С. Указ. соч.; Мироненко Н. С. Концепция синтеза в современном страноведении...; Пуляркин В. А. Дискуссионные вопросы современного научного страноведения... С. 31 и др.

¹³⁸ См.: Пуляркин В. А. Указ. соч. С. 33.

¹³⁹ Геттнер А. География. Ее история, сущность и методы. М.; Л.: Госиздат, 1930. См. также: Замятин Д. Н. Методологический анализ хронологической концепции в географии // Известия РАН. Серия геогр. 1999. № 5. С. 7–15.

¹⁴⁰ Геттнер А. География. Ее история, сущность и методы / Под ред. Н. Баранского. М.; Л.: Госиздат., 1930. С. 198.

¹⁴¹ Там же. С. 363.

¹⁴² См.: Шупер В. А. Мир виртуальных объектов в географии // Географическое пространство: соотношение знания и незнания / Первые сократические чтения по географии. М.: Изд-во РОУ, 1993. С. 18.

¹⁴³ Там же. С. 20.

стран, конструирование которых предстает как целенаправленная методологическая и теоретическая деятельность. Другими словами, детально разработанный и хорошо структурированный образ страны, в конечном счете, фактически есть упорядоченное представление страны – он как бы являет страну; изначальная «виртуальность» образа становится самой реальностью.

В рамках традиционного научно-географического страноведения изучение и формирование образа страны имеет четко обозначенную «ячейку», однако сам этот образ представляет собой лишь дополнительную «упаковку» для обстоятельной физико-, экономико– и социально-географической характеристики страны. В этой методологической ситуации актуализация и, в определенном смысле, централизация образа страны возможна прежде всего посредством наработки геокультурных образов страны, естественно аккумулирующих большинство ярких черт, особенностей, «изюминок» конкретной страны.

1.3.4. Методологический поворот в теоретико-географических исследованиях в 1960—1980-х гг

Очень важным в этой связи был своего рода методологический поворот в теоретико-географических исследованиях в 1960—1980-х гг. Суть его заключалась в переносе основного методологического научно-исследовательского интереса с собственно пространственных закономерностей развития какого-либо явления на закономерности развития самого географического пространства и, как следствие, на особенности трансформации представлений о географическом пространстве¹⁴⁴. Здесь, пожалуй, впервые в истории географической науки, пространство географической мысли стало интенсивно взаимодействовать с мыслью о географическом пространстве. Понятие географического образа оказалось на пересечении этих двух ментальных пространств¹⁴⁵ и, фактически, стало средством значительной экономии самой географической мысли.

Один из наиболее мощных географических образов, обеспечивающих экономию теоретико-географической мысли – это образ границы. Значительная часть анализируемых теоретико-географических явлений рассматривается сквозь пограничную «призму»: например, особо выделяемая лимогенная районизация, образование квазиграниц, а типологически важное понятие узлового района рассматривается как частный случай транзитной системы¹⁴⁶. Образ границы фактически разрастается и становится эффективным средством характеристики пространственного саморазвития – например, при описании эксцентричной районизации¹⁴⁷. Географическое пространство самоопределяется пограничными процессами, границы и их образы структурируют фундаментальные общественные представления.

¹⁴⁴ См.: *Каганский В. Л.* Методологические проблемы районирования и его отношение к концепциям геопространства // Исследование методологических проблем географии в Эстонской ССР. Таллин, 1987. С. 89–95; *Каганский В. Л.* Мир географических открытий и мир современной географии // Исследовательские программы в современной науке. Новосибирск: Наука, 1987. С. 186–203; *Костинский Г. Д.* Установки сознания и представления о различных традициях в географии // Известия АН СССР. Серия географическая. 1990. № 5. С. 123–129; *Он же.* Идея пространственности в географии // Там же. 1992. № 6. С. 31–40; *Он же.* Географическая матрица пространственности // Известия РАН. Серия географическая. 1997. № 5. С. 16–31; *Родман Б. Б.* Территориальные ареалы и сети. Очерки теоретической географии. Смоленск: Ойкумена, 1999; *Верлен Б.* Общество, действие и пространство. Альтернативная социальная география // Социологическое обозрение. 2001. Т. 1. № 2. С. 25–46; *Tuan Yi-Fu.* Space and place: The perspective of experience. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1977; *Raitz Karl B.* Place, Space and Environment in America's Leisure Landscapes // Journal of Cultural Geography. 8 (Fall – Winter 1987). P. 49–62; *Sack R. D.* The Consumer's World: Place as Context // Annals of the Association of American Geographers. 1988. 78. P. 642–664; *Cosgrove D. E.* Models, descriptions and imagination in geography // Remodelling geography / Ed. by B. MacMillan. Oxford: Blackwell, 1989. P. 230–244.

¹⁴⁵ См.: *Fauconnier G.* Espaces mentaux: Aspects de la construction du sens dans les langues naturelles. Paris: Minuit, 1984. Ср. трактовки ментального пространства в рамках постюнгианской глубинной психологии: *Резник С.* Ментальное пространство. Киев: УАП-МИГП, 2004.

¹⁴⁶ *Родман Б. Б.* Указ. соч. С. 27, 34, 112.

¹⁴⁷ Там же. С. 154–155.

Фактором, облегчившим отмеченный нами методологический поворот, был перенос традиционных хорошо разработанных географических методик на новое исследовательское поле и их сравнительно эффективная последующая адаптация при изучении структур и динамики различных модификаций географических образов. Так, методики, разработанные в рамках модели «центр – периферия»¹⁴⁸, оказались вполне применимыми при анализе образно-географических систем и анализе функциональной структуры географического образа (соотношение ядра и различных оболочек образа).

Наряду с этим, теоретическая география базируется на плодотворном переносе и новом осмыслении категорий и понятий естественных наук – прежде всего геометрии и физики. Обособившись постепенно от этих наук, география на новом витке развития, уже в «своих» интересах, использует их последние достижения. Закономерности развития территории детально исследуются ученым посредством геометрических и физических представлений – это пульсация территориальных структур, анизотропия транспортной среды, процессы поляризации и концепция поляризованной биосферы¹⁴⁹. В результате географические образы, формируемые на стыке наук, отличаются как формализованной мощью, так и очевидной содержательной глубиной (проектирование зонно-волнового процесса и осебежная зонно-волновая экспансия, проксимальные и дистальные ограничения при расчленении и деформации узловых районов, картина эксцентричного излучения, циклы эволюции моноцентрических транспортных сетей и фасцикуляция путей¹⁵⁰. Географическое пространство превращается в диверсифицированную и открытую образно-географическую систему (системы), способную к концептуальному и прикладному саморазвитию.

С методологической точки зрения исследования географических образов стали развиваться во многом за счет кумулятивного эффекта, рационального использования наиболее прочных и устойчивых географических закономерностей и научных традиций классической географии. В то же время исследования географических образов, начатые в смежных и пограничных областях научного знания, (например, политическое пространство, федерализм и т. д.)¹⁵¹ оказались сравнительно эффективными. Здесь, на наш взгляд, понятие географического образа обеспечило успешную методологическую трансляцию наиболее важных теоретических достижений классической географии вовне (как в концептуальном, так и в прикладном отношении) и затем их необходимую методологическую трансформацию и/или модернизацию. Понятие географического образа стало в методологическом плане гетерогенной структурой, способствующей формированию целенаправленных исследовательских систем с высокими уровнями эмерджентности (эмерджентного эффекта).

Сознательно сконструированные в теоретическом плане географические образы могут быть нацелены на решение множества прикладных задач: так, речь может идти о динамическом проектировании применительно к пространству, о строительстве универсальных узловых районов и о зонировании территориального конвейера¹⁵². Естественно, что успешное решение этих задач опирается на специфические, профессиональные представления географа (своеобразная профессиональная «кухня») – например, о районах как скрытых территориальных структурах, о пространстве «истинных расстояний» и о процессах позиционной редукции. За внешне хаотичными процессами пространственной самоорганизации стоят продуманные гео-

¹⁴⁸ Wallerstein J. The politic of world-economy. Paris: Maison de Sci. de l'Homme, 1984; Валлерстайн И. Россия и капиталистическая мир-экономика, 1500–2000 // Свободная мысль. 1996. № 5. С. 30–43; *Он же*. После либерализма. М.: Едиториал УРСС, 2003; Грицай О. В., Иоффе Г. В., Трейвиш А. И. Центр и периферия в региональном развитии. М.: Наука, 1991.

¹⁴⁹ Родман Б. Б. Указ. соч.

¹⁵⁰ Там же.

¹⁵¹ Замятина Н. Ю. Модели политического пространства // Полис (Политические исследования). 1999. № 4. С. 29–41; Замятин Д. Н., Замятина Н. Ю. Пространство российского федерализма // Политические исследования. 2000. № 5. С. 98–110.

¹⁵² Родман Б. Б. Указ. соч. С. 64, 131, 103.

графические образы – будь то иерархические линейные ритмы дорог, степени пространственного «прикрепления» объектов к центрам или радиально-концентрическая планировка как самоусиливающаяся система (там же). Выявляемые в реальном пространстве географические образы, в свою очередь, трансформируясь, становятся важным и действенным фактором пространственной динамики.

1.4. Исследования образов географического пространства в естественных науках

Математика (особенно геометрия и топология), физика, физическая география, психология – естественные науки, дающие явные основания для изучения географического пространства и его образов. Однако здесь будут рассмотрены в основном междисциплинарные, пограничные теории и концепции, чье позиционирование позволяет четко выявить наиболее интересные с образно-географической точки зрения современные естественнонаучные положения. Характерно, что «возмутителями спокойствия» и «локомотивами» в данном случае выступают синергетика и теория фракталов, а также нетрадиционное почвоведение. Психология, традиционно изучавшая пространственные представления, достигла наибольших результатов как раз на границах с другими когнитивными науками, а также на стыке с синергетикой.

Для более глубокого понимания закономерностей формирования образов географического пространства большую ценность представляют *исследования сенсорных систем* в рамках естественнонаучного знания. Изучение структур пространственного зрения¹⁵³, закономерностей восприятия пространства в психофизиологии и физиологии движения¹⁵⁴ позволяет, с помощью аналогий, понять специфику процессов, способствующих формированию образов географического пространства. Главное в этом – обнаружение механизмов перехода от статичных к динамичным образам и механизмов сосуществования различных образов в панорамном зрении.

Теория фракталов и образы географического пространства. Основатель теории фракталов, известный американский математик Б. Мандельброт, развивал и развивает положения этой междисциплинарной теории на многих примерах, взятых, в том числе из традиционной физической географии и картографии. Земная природа является для него одним из наиболее эффективных научных полигонов¹⁵⁵.

Поскольку теория фракталов имеет непосредственное отношение к разделу классической математики – топологии, то в ходе развития прикладной базы теории фракталов происходит вполне естественный переход от условного и абстрактного математического пространства к вполне реальному географическому пространству. Однако сам этот переход показывает, что представление о пространстве, тем более фрактальном пространстве, изначально образно. Когда Мандельброт начинает разбирать примеры, связанные с измерением различных географических границ, то выясняется, что фрактальный подход ведет в итоге к созданию многомерных образов самих географических границ. Выясняется, что сухопутные границы различных стран между собой могут иметь различную протяженность – в зависимости от того, с какой стороны границы проводились измерения¹⁵⁶. Хотя первоначально фрактал рассматривался как самоподобная и бесконечно самоорганизующаяся структура, впоследствии сам автор теории фракталов пришел к новому альтернативному определению фрактала как «множества, емкостная размерность которого больше его топологической размерности»¹⁵⁷.

Интерпретируя это высказывание с образно-географической точки зрения, можно сказать, что всякое географическое пространство задает заранее гораздо большее потенциальное количество возможных на его базе географических образов, нежели любое физически возмож-

¹⁵³ Бондарко В. М., Данилова М. В., Красильников Н. Н., Леушина Л. И., Невская А. А., Шелешин Ю. Е. Пространственное зрение. СПб.: Наука, 1999.

¹⁵⁴ Леонов Ю. П. Цветовое пространство горизонтальных клеток сетчатки // Психологический журнал. 1995. Т. 16. № 2.

¹⁵⁵ Мандельброт Б. Фрактальная геометрия природы. М.: Институт компьютерных исследований, 2002.

¹⁵⁶ Там же. С. 57–58.

¹⁵⁷ Там же. С. 530.

ное измерение площади данного пространства. Иначе говоря, культура, фактически порождающая само понятие географического пространства, обеспечивает пространственную (а реально – образную) бесконечность представления пространства. По сути, речь здесь идет об образе-архетипе географического пространства, причем, по-видимому, и само понятие образа может наиболее эффективно трактоваться как пространственное.

Возможность подобной образно-географической интерпретации теории фракталов в приложении к явлениям живой и неживой природы основана на так называемом условном космографическом принципе, в котором утверждается, что перемещение начала координат какого-либо процесса ведет к его возобновлению на независимых началах, «все промежуточные остановки обладают абсолютно равными правами на звание Центра Мироздания»¹⁵⁸. Именно соблюдение условного космографического принципа позволяет ввести при изучении фрактальной геометрии природы понятие броуновского (т. е. вероятностного) рельефа, и успешно моделировать настоящий земной рельеф, картографические очертания древних и современных островов и континентов, а также создавать модели идеальных ландшафтов¹⁵⁹. Суть дела в том, что увеличение размерности в таком фрактальном моделировании приводит не только к увеличению сложности рисунка, но и к появлению необратимых изменений в общей, фиксируемой научными измерениями и наблюдениями конфигурации моделируемого физико-географического объекта. Следовательно, можно вполне весомо говорить о том, что классическая физическая география и картография имеют мощные социокультурные корни, ими, однако, не вполне осознаваемые. Образы географического пространства, разрабатывавшиеся в этих науках в течение тысячелетий, основаны на специфических правилах измерений и особой размерности. Переход к неэвклидовым геометриям и сферическим поверхностям в рамках теории фракталов показал относительность этих традиционных образов. В то же время стало ясно, что эти традиционные образы географического пространства занимают свое определенное место в фактически бесконечном пространстве представлений географического пространства – в рамках уже провозглашенного условного космографического принципа.

Физическая география и картография. В сфере физико-географических исследований, важных для понимания особенностей изучения образа в гуманитарной географии, выделяется геоморфология, в рамках которой разработаны наиболее детальные и содержательные процедуры дистанцирования от предмета самого исследования; значительная часть концептуальных моделей в геоморфологии, как классических, так и современных, по сути, является образно-географической¹⁶⁰. Поэтому дальнейшее методологическое и теоретическое развитие образно-географических исследований во многом может вестись путем прямого переноса ряда геоморфологических моделей на новые предметы изучения и их последующей адаптации. Главная задача здесь – разработка адекватных процедур интерпретации получаемых при этом результатов.

Например, весьма важный для исследования географических образов инструментарий может представить одно из наиболее важных научных направлений геоморфологии – морфометрия. Узловые части этого направления – морфометрический анализ, анализ формы элементов рельефа, проблемы геометризации рельефа, цели и стратегия морфо-метрического анализа, построение морфометрических карт¹⁶¹ – могут быть крайне продуктивным средством исследования при параметризации географических образов.

В то же время использование базовых понятий геоморфологии – таких, например, как географический цикл, пенеплен и пенепленизация, денудация и абляция – позволяет наглядно

¹⁵⁸ Там же. С. 412.

¹⁵⁹ Там же. С. 371–386.

¹⁶⁰ Дэвис В. М. Географический цикл // Географические очерки. М.: Изд-во иностр. лит., 1962. С. 7–25; Щукин И. С. Общая геоморфология. М., 1960; Симонов Ю. Г. Морфометрический анализ рельефа. М.; Смоленск: Изд-во СГУ, 1998.

¹⁶¹ Симонов Ю. Г. Указ. соч.

представить процессы пространственного развития культурных и политических процессов, эффективно интерпретировать сюжетные и языковые особенности художественных произведений. Следует отметить, что в основе подобного переноса понятий из одной научной области в другую с целью их образного использования лежит фундаментальная аналогия между земным (географическим) рельефом и рельефом культуры (или ее конфигурацией). Между тем, если согласиться, что образ появляется, очерчивается и маркируется в процессе отдаления или дистанцирования условного исследователя или наблюдателя от предмета его наблюдения (будь то холм, склон, речная долина, бытовые традиции какого-либо народа, локальный фольклор, массовые представления в конкретном регионе), то здесь проявляется коренное феноменологическое единство гуманитарных и естественных наук. Собственно говоря, фиксируемый, извлекаемый или конструируемый в определенной эпистемологической ситуации образ и есть та самая культурная дистанция, позволяющая исследователю или наблюдателю маркировать и тем самым закреплять в культуре изучаемый объект или предмет. Особая эффективность в данном случае именно геоморфологических понятий связана как раз с естественностью и легкостью аналогического перехода от, по существу, образных исследований земной поверхности к образно-географическому изучению поверхности (конфигурации, рельефа) культуры.

Недокучаевское почвоведение и образы рельефа. Неожиданный импульс для образного восприятия рельефа и развития образно-географического мышления был получен от концепции пластики рельефа, интенсивно развивавшейся с 1970-х гг. Пушинской школой почвоведов. Группа ученых, возглавляемых И. Н. Степановым, разработала междисциплинарную теорию на стыке почвоведения, геоморфологии и картографии¹⁶².

Суть предлагаемой теории в том, что почва рассматривается не как инертное природное тело в заранее данных координатах, а как динамический пространственный поток, картографирование которого позволяет обнаружить важнейшие закономерности развития почвенного покрова Земли. С этой целью используются математические алгоритмы, позволяющие преобразовать горизонталь традиционных топографических карт в выделяемые цветом или штриховкой выпуклости и вогнутости земного рельефа. С этими элементами географического пространства, разграничиваемыми т. н. морфоизографой (линией нулевой кривизны) связаны определенные типы почв. В теории используются синергетические построения (понятия репеллера, аттрактора и точки бифуркации), а также, в качестве обоснования – теория фракталов.

Один из основных авторов концепции пластики рельефа, И. Н. Степанов, утверждает, что «метод пластики имеет дело с математическими образами почв и рельефа, а не с реальными»¹⁶³. Он утверждает, что недокучаевское почвоведение (т. е. отличающееся от классической концепции отечественного почвоведения В. В. Докучаева) имеет дело исключительно с относительным, а не абсолютным пространством¹⁶⁴. Фундаментом концепции пластики является понятие образа (геометрического, или картографического), например: «Картографическим образом является «выпуклость», названная физическим термином «поток», подтверждающим, что «выпуклость» – результат прошлого, настоящего и будущего движения органо-минеральных масс по обозначенной в прошлом траектории»¹⁶⁵, немного дальше также говорится об образе тела-потока. Благодаря карте пластики возникает целостное изображение земной поверхности, обзорность такой карты есть «результат мгновенного охвата территории одним изображением – инсайтом»¹⁶⁶.

¹⁶² См.: Геометрия структур земной поверхности. Пушино: ПНЦ РАН, 1991; Симметрия почвенно-геологического пространства: Сб. науч. тр. Пушино: ПНЦ РАН, 1996; *Степанов И. Н.* Пространство и время в науке о почвах. Недокучаевское почвоведение. М.: Наука, 2003 и др.

¹⁶³ *Степанов И. Н.* Пространство и время в науке о почвах... С. 36.

¹⁶⁴ Там же. С. 37.

¹⁶⁵ Там же. С. 49.

¹⁶⁶ Там же. С. 50.

Действительно, концепция пластики рельефа позволила впервые осознать кривизну земного пространства не через обилие рельефных и ландшафтных терминов и названий, а посредством немногих (фактически – двух-трех) образов. Эти образы (поток, вогнутость, выпуклость) передают динамику географического пространства, а по сути, замещают его, эффективно репрезентируя его. Немаловажно также, что карты пластики рельефа обеспечивают многочисленные почвенные, геоморфологические и картографические интерпретации с выходом на прикладные прогнозы (сельскохозяйственная мелиорация, гидрогеология, поиск полезных ископаемых).

Образно-географический смысл концепции пластики рельефа заключается в формировании в рамках естественных наук парадигмы относительности географического пространства, основанной на зрительном, визуальном образном эффекте. Один из авторов концепции фактически говорит о картографическом и ландшафтном гештальте, при этом разные ориентации и взгляды на одну и ту же карту могут породить разные интерпретации¹⁶⁷. Речь в данном случае идет о целом дереве образов, причем всякое пересаживание точки зрения на «новую ветку» ведет к новой пространственной картине изучаемого процесса и изменению конфигурации самого образного дерева рельефа.

«Дифференциальное движение геометрических образов» (выражение И. Н. Степанова)¹⁶⁸ означает не что иное, как продуктивное осмысление естественной кривизны географического пространства в рамках евроцентристских социокультурных установок, ориентированных на примат геометрического построения видимого мира, начиная со времен Древней Греции. В рассматриваемую нами концепцию вводится даже понятие «приобретенной памяти» почвенного потока¹⁶⁹

¹⁶⁷ Там же. С. 89.

¹⁶⁸ Там же. С. 102.

¹⁶⁹ Там же. С. 115.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.